

Дмитрий СПИКИН

СГОРЕВШАЯ ЗВЕЗДА

Стихи

г. Качканар, 2011

ЭН

84(2Рос-4Л6е)
Г72 Б

Дмитрий СПИКИН

**СГОРЕВШАЯ
ЗВЕЗДА**

Стихи

г. Качканар, 2011

Раздаю по кусочкам сердце
Всем желающим,
и не только...
Разливаю по каплям душу -
Подставляйте стаканы, люди!

«И вновь идут часы моей души»

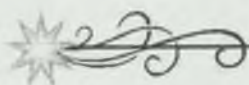
Вместо предисловия

*Погиб поэт из «Лукоморья»,
Ушел от нас в последний путь.
И мы скорбим. Какое горе!
Уж не исправить, не вернуть...*

Невысокий, худощавый, он при первой встрече показался мне подростком, хотя уже окончил 10 классов. Робко переступил порог редакции и, смущаясь, передал тетрадки со своими стихами. Так в 1997 году познакомилась я с Димой Спикиным.

А оставшись наедине с его тетрадками, исписанными мелким неровным почерком, очень скоро почувствовала, что я уже не одна: где-то рядом незримо присутствует автор, очень искренний и серьезный, зрелый. Он берет меня за руку и за сердце и уверенно ведет в свой поэтический и душевный мир. Этот мир оказался огромным и удивительным.

И нам в «Лукоморье» хотелось познать и понять его, открыть многие загадки и тайны Вселенной, уместившейся в душе юного поэта. Его стихи – это лирические зарисовки о природе и любви, раздумья о вечных вопросах жизни и смерти; это рифмованные исповеди: в них тревога и боль поколения, к которому принадлежал Дима. Больше всего его огорчало, что вокруг много горя, неправды и несправедливости, что людям приходится страдать. Неужели, размышлял юный автор, человек рожден только для страданий?

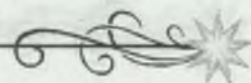
Рождение

Я еще не родился –
Здесь темно и тепло.
Я еще не родился –
Значит, мне повезло.
Я еще не родился,
И весь мир для меня –
Это добрая, нежная
Мама моя.

Что такое? Внезапная боль,
Яркий свет...
Эта боль – на всю жизнь?..
О, пожалуйста, нет!..
Я на свет появился?
Ах, вон оно что...
Я на свет появился.
Но, мама, за что?

Появиться на свет – за что такое наказание? Но долго размышлять об этом не приходится: жизнь так стремительна и быстротечна, мир так сложен и суров, что душа твоя... нет, не черствеет, но рано взрослеет, рождая новые вопросы.

Так сколько же мне лет?
Не восемнадцать, нет.
По паспорту-то так.
Но паспорт – лишь пустяк. -
Текут вокруг меня
Дела и времена.
Хоть жизнь и коротка,
Но я прожил века!
И каждый час идет
Как день или как год.
Неспешна и легка,
Течет себе река.
Река времен и дел –
Мой горестный удел.

«Горестный удел», – говорит Дмитрий. И все же принимать боль человечества как свою собственную – это удел немногих и не такой уж горестный, хотя осмысливать «дела и времена» этим людям действительно горько.

Зачем?

Зачем нам надо умереть,
Чтоб нас могли любить и знать?
Зачем нам надо недоспеть,
Не донести и не раздать?
Когда Он умер на кресте,
Молился перед тем:
«Прости их, Господи Отец:
Не ведают, зачем».
Когда наш Пушкин умирал
(Виновен ли пред кем?),
Народ еще не понимал,
Кого теряет и зачем
Казнь и дуэль.
И вот еще история не нова:
Что думал киллер перед тем,
Как выстрелить в Талькова?
Спросил ли он себя: зачем?..
Такая вот судьба Земли,
Имен и перемен.
Но поздно мы спросить смогли:
Зачем? Зачем? Зачем?..

Ответы на эти мучительные вопросы Дима искал в своей душе, в отечественной истории и мировой литературе, у друзей.

Друзей у него было немного, а единомышленников – и того меньше. Он вообще был убежден, что друзей много быть не может. А вот книг-советчиков – сколько угодно. *«Книги – зеркало всей человеческой жизни. И чем больше читаешь, тем больше себя узнаешь»*. По страницам книг Дима проходил вместе с героями, пытался понять их и

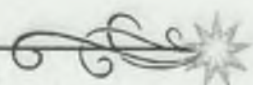
себя, стараясь в прошлом найти ответы на вопросы, которые терзали его сегодня.

Это я – датский принц
с неизменным вопросом нетленным
«Быть – не быть?»,
с ветхим черепом чьим-то в руке.
То – спокойствия череп.
Смотрю на него с изумленьем,
удивляюсь, как жил
в равнодушии и тишине.
Одиссей – это я.
Проплываю морями Печали,
Одиночества, Чувства, Неправды,
Душевной Тоски.
Лишь во сне иногда
наконец-то стою на причале,
На причале людской
и божественной мирной любви...
Я – тот самый писатель,
булгаковский Мастер,
сумасшедший немного романтик,
Хранящий любовь...

Поэтические раздумья о книгах и жизни Дмитрий завершает так:

Книги, книги –
Великое мира богатство,
Лучше золота,
Краше весенних цветов.
Берегите же, люди,
Святое печатное счастье,
Вырывайте же душу
Из черных незнания оков!

Сам он всю свою недолгую жизнь сквозь тьму незнания и сомнений пробивался к свету, стремился понять людей и обстоятельства. И очень хотел, чтоб его понимали.

Но колокол неслышный бьет в набат.

Где есть любовь народа,
есть там рядом

Крест зависти, непониманья взглядов...

На сем кресте и буду я распят.

Да, тяжек крест непонимания! Лирический герой Д.Спикина всей душой стремится к добродетели, к людям. Вот несколько строк одного из стихотворений:

Раздаю по кусочкам сердце

Всем желающим, и не только...

Разливаю по каплям душу –

Подставляйте стаканы, люди!

Разрываю талант на части

И швыряю стихи, как ветер.

Приходите сюда все вместе,

Собирайте скромное счастье.

Он был бы рад, *«коль кто-нибудь, читая мои стихи, задумается вдруг о жизни...»* А если не задумаются, не поймут? В трудные минуты Дима обращался к Богу.

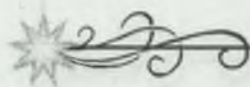
– Я с детства знал, что Бог есть, – говорил он мне в одной из наших первых бесед. – Но глубоко над этим не задумывался. А с возрастом по-настоящему осознал и уверовал. Каждую неделю бываю в церкви. Я мог бы стать наркоманом или вором, а Бог помогает бороться со слабостями, наставляет на путь истинный.

На груди своей ношу я крестик,

На плечах несу тяжелый крест.

Каждый в жизни несет свой крест, у каждого своя дорога. Дима выбрал путь добра, служения людям. Мечтал лечить их и дважды поступал в медицинское училище, но недобирал баллов. Потом в лицее получил юридическое образование. Ему хотелось работать, понять свое предназначение. А если не удастся найти примирения с жизнью, согласия с самим собой?

– Буду священником, – говорил Дмитрий. – Или уйду в монастырь, там меня поймут.

В 2001 году «Лукоморье» на своей литературной странице запустило проект **«Здравствуйте! Это – мы!»** Вот что рассказал о себе Дима, отвечая на вопросы анкеты.

Родился в Качканаре в 1981 году. Постоянного места работы не имею. Регулярная зарплата одна – гонорары. Род занятий – литература, учеба в техникуме.

Главнейшее увлечение – графоманство.

Страсти – чтение, природа, музыка.

Страстишки – азартные игры, сигареты, крепкий кофе.

Реальная мечта – окончить техникум, творить до конца дней, воспитать сына.

Несбыточная мечта – пополнить классическую литературу.

Смысл земного существования – сберечь душу для бессмертия на небе и талант – для бессмертия на Земле.

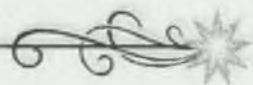
Как исправить этот несовершенный мир? Внедрение высокого искусства в повседневность всех людей. «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать» (Вольтер).

Любовь для меня – величайшее ощущение, присутствие и расположение Бога, а значит, уверенность, вдохновение, благие дела.

Дима мечтал воспитать сына.

Моему ребенку

Когда во тьме ночной я слышу снова
Твой горький,
безутешный детский плач,
То восклицаю, будто бы змеею
Ужаленный. О, забытье-палач!
Рукой поспешной колыбель качаю,
Чтобы вернуть тебе покой и сон.
Знать, я сошел с ума: ведь забываю,
Что ты еще, малютка, не рожден.
Я жду тебя, как ждут весны, свободы,

Мечты, в надежде сбывшейся едва.
Семья, потомство, продолженье рода –
Все это не бездушные слова.
Быть может,
в краткой жизни недопетой
Никто отцом меня не назовет,
Но лучше думать, что в судьбе планеты
Меж прочих судеб и твоя живет,
Готовая с рождением прорваться
И право заслужить на смерть свою...
Хоть ты еще фантазия, признаться...
Не плачь, поверь: я так тебя люблю!

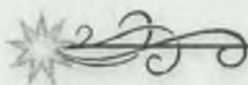
Дима писал не только стихи и басни, а также повести, обращался и к драматургии. Талантливый юноша мечтал о большой литературе. Он возил свое творчество в Москву. Но столица даже не взглянула на его рукописи. Не пробился. Потому что пробиваются бездарности, а «талантам надо помогать». Нашей помощи, к сожалению, оказалось слишком мало.

Дима искал себя и в Волгоградской области, где есть у него родственники. Несколько месяцев жил в монастыре. Подумывал даже постричься в монахи, но решил, что сначала надо бы жениться. Ушел из монастыря.

Работал сторожем в детском загородном лагере, там и жил. Много писал. Присылал в «Лукоморье» письма и свои стихи.

«Здравствуйте, Галина Петровна! Я по-прежнему нахожусь в детском лагере. С работой здесь очень сложно, ее полгорода ищут, вот и я никак не найду. Так и сижу в лесу – иногда очень тоскливо, иногда ничего. В апреле мне буде 30 лет, а у меня ничего нет: ни своей семьи, ни более-менее устойчивого положения. А что делать, и кому мы нужны?»

Пора, давно пора себе сознаться,
Пора понять систему бытия –

Что лучше было вовсе не рождаться,
Что счастье, увы, не для меня.
Не так давно цвели в душе надежды,
Но в воздухе исчезло все, как звук.
Так сбрасывает дерево одежды,
Когда ноябрь безжалостный вокруг.
Приди, о Смерть, и будь моя невеста!
(Хоть и тебя давно устал я звать).
Довольно мне уже чужое место
Бессмысленно, впустую занимать.

Димочка, мальчик мой! Ну, зачем ты так настойчиво
звал Смерть? Вот она и услышала тебя. Она всегда рада
забрать к себе лучших.

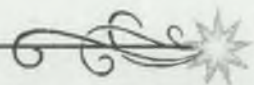
*Неспешна и легка,
Течет себе река.
Река времен и дел –
Мой горестный удел.*

А река, которую ты пытался перейти вброд, оказалась
слишком бурной. Течение сбило тебя с ног и унесло. Вид-
но, именно эту реку, что в Волгоградской области, и
прислала Смерть за тобой.

«Река времен и дел» вообще не бывает спокойной. А
уж наши времена, с перекатами да порогами, с водоворо-
тами да омутами, поглотили не одну молодую душу.
Поэтическая Дими́на душа часто была в смятенье, он и
радовался, и грустил. У Димы много светлых, жизнеутвер-
ждающих, а также философских стихов.

Мои часы

Счастливые часов не наблюдают.
Я не счастлив, но и не ввержен в прах.
Часы мои в сознание обитают,
И нету чисел на моих часах.
А есть на них одни обозначенья:
Рассвет, закат, рождение и гроб,

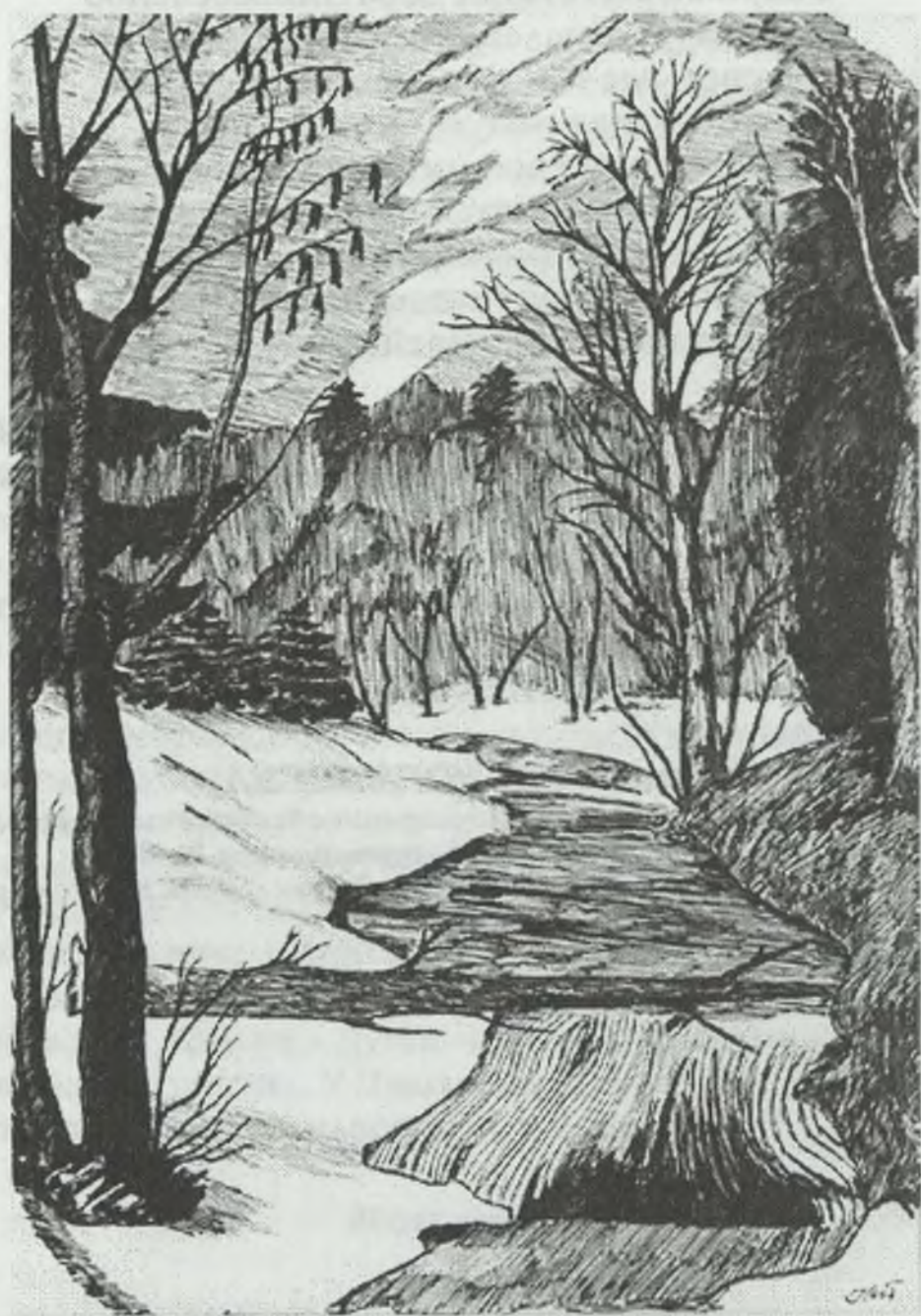
Апрельской юности цветущие стремленья,
Февральской старости затишье и озноб
Все указуют маленькие стрелки:
Где свет, где тьма, где зло, а где добро.
То скачут, как испуганные белки,
То замедляют свой ритмичный ход.
То вовсе остановятся на время.
Заводишь механизм, чтоб он спешил.
Но с сердца канет тягостное бремя –
И вновь идут часы моей души.

Димочка! С наших сердец вряд ли «канет тягостное бремя». Но ты навсегда с нами в твоих талантливых стихах. Для нас по-прежнему «идут часы твоей души».

Вот сейчас читатель откроет твой поэтический сборник – и в каждой строчке почувствует биение твоего чистого сердца, смятенье и глубину твоих мыслей, страданья и радости твоей юной души.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА,

*руководитель литобъединения «Лукоморье»,
член Союза журналистов России,
почетный гражданин города Качканара.*

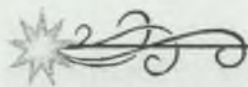

Вселенная

Вселенная есть храм, где бесконечна битва
Стихий, что меж собой хоть и воюют –
В гармонии единой существуют.
И аромат цветка, и свет звезды – молитва.
Вселенная есть дом, где любящий Отец
Лелеет виноградник насажденный
Бессмертных душ и ласково возвращенный
Цветник блаженных, любящих сердец.
Вселенная есть сад, где будут ввек цвести
Порядок строгий с красотой линий.
Как этот парк прекрасен звездно-синий
И ты, аллея Млечного Пути!
Вселенная есть сцена, где течет
И медленно и быстро и пространство
И время (в том – Вселенной постоянство),
Где пьеса так невольно всех влечет.

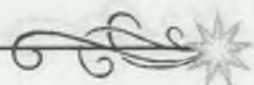
* * *

Вселенная, текущая в ничто
Есть только мир веществ, больных и тленных.
И как вместить в стихотворенье то,
Что не вместят и тысячи вселенных?

Звезды

Как с тонких крыльев бабочки пыльца,
Как брызги от работы рук пловца,
Как листья всех расцветок в сентябре,
Как по утрам росинки во дворе,
Как не набравшей сок рябины гроздь –
Зажглись на черно-синем небе звезды.
Хотел сказать «рассыпаны», но вид
Лишь о порядке строгом говорит.
Царит здесь геометрия, но это
Не преградит дороги для поэта.
Пусть астроном считает звезды сухо,
Астролог подставляет звездам ухо,
Пусть равнодушный спит, не глядя в небо –
Иначе звезды зрит любимец Феба.
Открыт его иль затуманен взор –
Но видит он таинственный узор,
Где Целое рассчитано, согласно,
И каждая звезда, как Часть, прекрасна.
Вот яркий-яркий пояс Ориона:
Не пояс, а, скорей, небес корона.
Вот Сириус мерцает, как топаз –
Прищуренный во тьме драконов глаз
Медведицы? Скорей уж, колесницы!
Там звезды образуют чьи-то лица,
Там – дивные соцветия, а там –
Полярная звезда льет свой бальзам.
Для глаз усталых... карнавальным фарсом!
Здесь одинок лишь еле зримый Марс.
Он тлеет, глядя в мир издалека,
Как уголек в костре еретика.

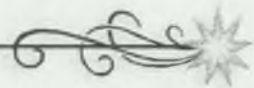
Сгоревшая звезда

Смотрите, сверкнув, как комета,
Звезда покатила вниз.
Быть может, погибла планета,
Быть может, на ней была жизнь...
А мы распустили объятья
И негою сердце поим,
А мы в ожидании счастья
Желанье задумать спешим.
А там города разрушались,
Все замыслы стали тусклы,
Там люди и звери метались,
Когда по капризу судьбы
Скатилась, сгорая, планета,
Погибшая в хаосе пыль,
Познавшая свой конец света.
Там были благие умы,
Там были искусства и деньги,
И зло, и добро чередой,
Рождения, жизни и смерти –
Все сгнуло в вспышке одной.
Там, может быть, цивилизий
Последние стерты штрихи...
А мы восхищаемся вкратце
И пишем о звездах стихи.

Ночное небо

Смотрю в ночное небо. Высоко...
Повсюду шар земной объемлют звезды,
Мерцая неприкаянно-легко
И навевая мысли или грезы.
Ну что им люди с вечной суетой,
А также с жалкой похотью и злостью,
Которые не дорожат душой,
А дорожат мгновением и плотью?
Спокойно звезды рдеют в вышине,
Пронизывая черноту лучами.
Кто знает, может, где-то там они
Населены иными существами.
У тех существ нет зла и нет войны,
Там царствуют любовь, мечта и лира.
А вдруг Земля, где мы поселены,
Есть вечный ад для душ иного мира?
Смотрю в ночное небо – и в мозгах
Рождается таинственное мнение:
Нет, человек, примат на двух ногах,
Ты далеко не первенец творенья.

Полнолуние

Гляжу в окно на полную Луну,
Что льет свой мягкий свет на стол и коврик,
И думаю лишь про нее одну.
Она глядит с небес, как бедный Йорик.
И, может, также мыслит обо мне.
Усталый взгляд настолько человечен,
Что навевает мысли в тишине
Лишь только о возвышенном и вечном.
Ах, если б тяготения не знать!
Перелететь на берег бы далекий.
Ах, если бы от пола оторвать
Меня могли могучие потоки!
Иль, может быть, комету оседлать?
Оставить все и всех – и жить, как надо,
На Землю сверху изредка взирать,
Как ангелы глядят на муки Ада.
Купаться в желтом свете, как в пыльце,
Ловить рукой огни метеоритов,
Считать все звезды, сидя на крыльце,
И не мешать сознанию в молитвах.
Далекая, желанная страна!
Ты далека, и мне слегка обидно.
Но ближе, чем Америка, Луна:
Америку мне из окна не видно.

Время

Я, заблудившись, вышел в поле,
Туда-сюда ходил-бродил,
Но ничего не находил
Знакомого в степном просторе.
Пришлось заночевать... Трава
Была высокой, мягкой, свежей.
Собрав копну большую, сел я
Курить в компании костра.
Луна взошла из облаков.
Все стало тихо, бездыханно...
Костер уж не трещал. Туманно
И тихо на черте веков.
И вдруг раздался стук копыт,
Отчетливый, неторопливый,
Пугающий, но слуху милый.
И показался из травы
Крылатый конь окраски черной.
Где он ступал едва-едва,
Вмиг сохла свежая трава
И вредным становился воздух.
Но что там конь! Им правил всадник,
Черней коня, в плаще и маске,
Как некий дух из древней сказки,
Или актер – в пути на праздник.
«Внимай без лишних разговоров, –
Он молвил. – Угадай, кто я,
И будешь жить. Твоя стезя
Пересеклась с моей дорогой,
А увидевший меня – умрет.
Но я дарую шанс, презренный,
Я знаю: ты стоишь у бездны,
Ты не хотел сюда... но вот
Попал. Так я – не человек,
Не зверь, не дьявол и не Бог,

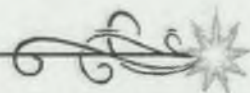

Хотя и тот, и тот, и тот –
Все чувствуют мой быстрый бег.
И даже Бог, поверь ушам!
Когда Христос жил в нашем мире,
Моей Он покорился силе
И был, как все, рабом годам.
Со мною лекарь ни один
Сравниться никогда не сможет.
Но и болезни не тревожат,
Как я тревожу. Я – лишь дым,
Что исчезает незаметно,
И я же – медленный огонь.
Но в случае любом со мной
Проходят встречи не бесследно.
Цари сильнейшие Земли
Склоняют предо мной колени.
Я не щажу ни поколений,
Ни города, ни корабли,
Ни славу, ни мечты, ни счастье,
Ни горе, ни беду, ни тлен.
Новорожденный сразу в плен
Мой попадает – отвечай же!»
Но я обтер ладонью темя,
Боясь спросить, чтоб над ответом
Подумать дал он мне. При этом
Я прохрипел лишь слово: «Время»...
«Ты прав, о смертный! – он вскричал. –
Но встреча не пройдет бесследно!
Живи, как жил, во тьме, презренье,
Но с памятью!» – и ускакал.
Наутро в сторону родную
Я вышел; предо мной лежал
Наш пруд. И голову седую
В воде я долго созерцал.

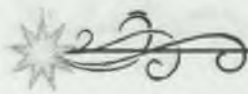
Философский спор

Один твердил, что хаос симметричен,
Другой – что упорядочен лишь космос.
Тот был до безупречности логичен,
А тот почти сорвал охрипший голос.
Трещал камин. Подрагивали свечи.
Их отблеск делал тени пребольшими.
А лица, шеи, волосы и плечи
При свете свеч казались восковыми.
Был снегопад. Таинственным обманом
Казался снег, в безмолвии кружащий.
Укутывали зимние туманы
Немецкий городок, беспечно спящий.
Не спали двое, да из-за камина
Смотрел на них широкими глазами
Сверчок, для двух философов незримый,
Напуганный большими голосами.
Затем, привыкнув к ним и позабывшись,
Устроился за кафелем нагретым
И вдруг запел, как будто бы решившись
Вступить в важнейший диспут. И при этом
Спор прекратился – пусть лишь на мгновенье.
Потом друг к другу повернувшись снова,
Они опять взялись за рассужденья,
Додуматься пытаясь до основы.
Сверчок же пел; и песнею бесценной,
Не зная, есть ли верное решенье,
Он выражал в тот час самой Вселенной
Единственное правильное мненье.

Каков удел?

Молиться звездным небесам
Или безбожию молиться,
Из мрака вынырнуть к лучам,
А после плюнуть и забыться;
Всех, кто умнее, презирать,
Передержать вино и воду.
Страданья выдумав, вздыхать,
Кричать: «Подайте мне свободу!»
А получив ее, разбить,
Распорядиться не умея.
О всех обиженных забыть,
Своих обид забыть не смея –
Таков удел печальный тех,
Кто во Вселенной – гость случайный.
Таков удел печальный всех,
А может, и не столь печальный...
Из тех, кто жил и кто живет,
Не избежал никто покуда
Рождения и смерти – вот
Путь в никуда из ниоткуда.
И потому мы все равны,
И где нас нет – ничуть не лучше.
И потому нам всем даны
Столь одинаковые души,
Хоть и не знаем мы о том
Иль не желаем знать, вернее.
Разнообразье – лишь в одном:
Те маски ярче, те – бледнее.
Прекрасен Бог, а Дьявол – хром,
Но оба дали нам привычки.
И пусть один построит дом –
Другой найдет к нему отмычки.
А третий пусть живет в стране
Без постоянного названья:
Мы – только камешки в стене
Многоэтажки мирозданья.

Сириус

(Отрывок из поэмы)

Свети, Звезда! Свети всегда, везде.
Соединяй меня с моей любимой,
Когда ее нет рядом; в суете
Покоя дай! Мне так необходимо.
Веди по жизни скорбному пути
И не давай на миг остановиться.
Я только начал, надо все пройти.
Ты в памяти высвечивай мне лица.
Когда в ночной и душной темноте
Я задыхаюсь в тысячах бессонниц,
Я обращаюсь иногда к тебе.
Что звезды все? Толпа немых поклонниц.
А ты, о Сириус! Любуюсь я тобой.
А если вдруг даешь мне вдохновенье,
До хрипоты я спорю сам с собой –
О лицах, о делах с огромным рвением.
Когда же на Земле пройдут века,
Последнее угаснет поколенье,
Останутся руины – в них тогда
Ты осветишь тетрадь с моим твореньем.
На месте сем луч света упадет,
На две строки последние укажет:
Последний час Вселенной настает...
Уже никто, что я не прав, не скажет.

Страшный суд

Светает...

Это – Страшный Суд.

А.Ахматова

Светает. Нынче будет Страшный Суд.
В последний раз Земля встречает утро,
А волны тихой речки вдоль несут
Свою беспечность. Ярким перламутром
Блестит роса. А соловей в кустах
Полощет горло пением; не верьте:
Пусть о любви, о розах и шипах
Всегда он пел – теперь поет о смерти.
Пастух корову гонит поспастись,
Уверенный, что будет жить лет двести...
Но никому сегодня не спастись,
И пастуху с его коровой вместе.
Светляк навеки гасит огонек,
Пример подавши звездам запоздалым.
Камыш тревожит легкий ветерок,
Покачивая лодку у причала.
Все листья, как один, полны воды:
Последняя гроза их напоила.
В саду стучат созревшие плоды,
Порой о землю ударяясь с силой.
Светает рано. Сладостного сна
Еще не хочет обрывать селенье.
И всюду здесь такая тишина,
Как в самый-самый первый день Творенья.

Подняться на небо

Желтый месяц поднимается все выше.
Если добежать до горизонта,
То за край еще схватиться можно
И подняться с месяцем на небо.
А оттуда все мои проблемы,
Нервные горячки и заботы,
Меланхолий сумрачные тени,
Безотчетные тоска и ужас
Будут мне казаться муравьями,
Суетно ползущими друг к другу,
Сталкиваясь, снова разбегаясь,
И как будто, топни лишь подошвой,
Можно раздавить их всех в мгновенье.
Но пускай живут – теперь до них мне
Дела нет. Теперь я счастлив, право,
Ибо нет людей со мной – над миром
Вижу я себя; и нынче месяц
Два лица обрел: Луны с Поэтом.
Желтый месяц поднимается все выше...

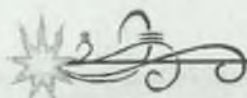
Счастье

Что такое счастье?
Это ветер,
Свежий, крепкий ветер в наши лица.
Что такое счастье?
Это звезды
Летней ночью, что хотят светиться.
Что такое счастье?
Это небо,
Что играет нежно с облаками.
Что такое счастье?
Это солнце,
Греющее жаркими лучами.

У ПРИРОДЫ УЧУСЬ

Дриада

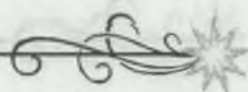
Я хрупкая, прозрачная дриада,
Душа густых, трепещущих ветвей,
Создание не Рая и не Ада,
Игра природы, плод ее затей.
Или дитя побочное поэта?
Не вымысел и не реальность я.
Но я живу – покуда длится лето,
Чтоб умереть в начале октября,
Кузнечнику беспечному подобно –
Орфею всех некошенных лугов.
Жизнь коротка, но все-таки свободна
От глупостей, болезней и стихов.
Как описать себя? Сама не знаю.
Материальна только моя тень,
Которой свет луны я преломляю
И слабо разбавляю белый день.
Мой лик, пожалуй, свежести подобен.
Мой смех дрожит волной, как горизонт,
Когда его колеблет жаркий полдень;
Смеюсь же я, когда раскроют зонт,
Боясь дождя; когда мне повод нужен;
Когда разбит в куски былой кумир;
И топают походкой неуклюжей
Через мои владения Сатир.
Удел мой счастлив, и его я славлю,
И за весь мир его я не отдам –
Молиться муравью, ромашке, камню
И прочим совершенным существам.
Сама как жизнь, как воздух, как объятье,
В природе я как будто не нужна.
Но если существую (хоть в мечтах) я,
То без меня природа не полна.
Я – только росчерк на полях тетради,
От основных творений вдалеке,

Такой же, как изгиб на водной глади,
Как синяя прожилка на руке.
Я – целое и я же – часть природы,
Которую никак нельзя отнять...
Умели еще первые народы
Меня, как подобает, прославлять.

У природы учусь

На берегу осеннего пруда
Доносит ветер отголоски речи.
Уж почернела синяя вода,
Стоят березы желтые, как свечи.
С безумным шумом волны льнут к ногам,
У волн на диво шахматный порядок
В расположенье; всюду, тут и там,
И пышное цветенье, и упадок.
И одинокий лист никак не может
Из волн на сушу выбраться назад.
О как его теперь страданье гложет!
О как в воде он бьется наугад!
И я учусь сегодня у природы
Быть терпеливей в черной полосе
И принимать страдания и невзгоды
Как высшую награду на Земле.

Облака

Люблю смотреть на облака.
Они плывут, как тени.
Да, я романтик. Значит, я
Для жизни не потеряю.
Вам хорошо от наркоты –
Мне ж ветром кайф навеян.
И говорю себе я: «Ты
Для жизни не потеряю».
Люблю зимой снежинок звон,
А летом – гроз затей.
Когда уйду, пусть скажут: «Он
Для жизни не потеряю».

Лето

Закат все позже и красней,
Все раньше алые рассветы,
А люди – веселей, бодрей.
Я ж не люблю, пожалуй, лета.
Кому-то – солнце и мечты,
Кому-то зной – и меда слаще.
А я бегу от суеты
В прохладные лесные чащи.
Какая благодать и тишь!
Как много уголков чудесных!
Здесь ты, о муза, сладко спишь,
Разлегшись на ветвях древесных.
Под вечер, спрятавшись в траве,
Страстей лишенный недотрога –
Нестройной песней по заре
Кузнечик прославляет Бога.

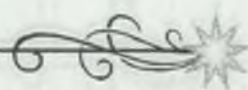

Перед дождем

Низко-низко ласточки кружат,
Часто-часто крыльями порхая,
Уровня второго этажа
В забытьи нередко достигая.
Не спеша темнеют облака,
На ветру волнуются березки.
Но еще не каплет, и пока
Суетен театр перекрестка.
Горизонт неведеньем объят:
Небо лишь светлей над ним немного.
И, рождая солнечный закат,
Он к рассвету проложил дорогу.
Месяц натянул упругий лук,
Всюду свежесть в воздухе тревожном.
Наконец, и первых капель стук
Возвестил о чем-то невозможном.

Уральское лето

По улицам, по площадям и паркам
Застыло лето – камнем без тепла.
Остывшей, слабой чайною заваркой
Оно не греет души и тела.
И не на пляж приходим мы купаться –
Купаемся под проливным дождем;
Любой погодой можно наслаждаться,
Но мы, однако, все чего-то ждем...
Жара – за меланхолию в ответе.
Мы ничего не в силах изменить.
Пора грибов и гроз – вот все, что в лете
Хотелось бы по праву оценить.

И, Боже мой, какая это мука –
Лесная комариная орда!
От писка их – чарующего звука! –
Сбегают даже музы, кто куда.
Вхожу в туман. Вдыхаю полной грудью.
Пора, давным-давно пора понять,
Что если и совсем тепла не будет,
То осени его и не отнять.

Вальсе цветов

В моем воображенье вновь и вновь
Кружится сонм немеркнущих соцветий.
Они живые. В них такая ж кровь,
Как и во мне. В созвучиях балета
Блестит, переливаясь, шумный рой –
Гармонии небесной воплощенье,
В душе рождая золотой покой,
А вместе – беспокойство восхищенья.
Мир, что гармонии вовек не признает,
Выводит цепи новых поколений,
А среди них нет-нет, да проскользнет
Какой-нибудь прекрасно-вечный гений.
Такой седой творец мелодий сих,
Что приоткрыли нам кусочек неба.
Они текут, как безупречный стих,
Цветочная классическая небыль.

Летние ночи

Качканарские летние ночи!
Юной девушки дивные очи,
Предрассветные синие грезы,
Свежесть предгрозовой чистой розы.
Черно-крепкий сгустившийся кофе,
Очерченный проспектами профиль,
Неизвестность манящего Где-то,
Изобилье фонарного света,
Серых, заспанных дней укрыванье,
С невозможным желаньем свиданье,
Жизнь, дыхание, взлет – нету мочи!
Качканарские летние ночи...

Про лето

Я пишу при свете молний,
Раз уж ночью нету света
Странно косит это лето:
Глаз зеленый, влаги полный.
Что рыдаешь ты грозою?
Что ты стонешь ветром в поле?
Жизнь твоя течет на воле –
Почему же нет покою?
О грехах ль моих тоскуешь,
Изнывая в адском солнце?
Птицею стучишь в оконце
И к любви моей ревнуешь?
Не печалься, мое лето!
Я не стою этой грусти.
Святой Боже не допустит
Нам с тобой расстаться где-то.
Замолчать, порывы ветра!
Не шуметь, прибоя волны!..
Просто я при вспышках молний
Новый стих сложил. Про лето.

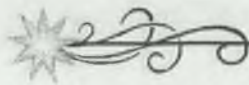

Женской

От ветра листья нервно шелестят,
Повсюду слышны запахи лесные.
По низу, над дорогой, шелестят,
Не смея к небу, бабочки ночные.
Здесь все: природы зрение и слух;
Все, что живет, полно предназначенья.
Лишь я брожу, как некий темный дух,
Не зная на земле успокоенья.

Закинув удочки

Дыша прохладой рассветной,
Сидим на берегу пруда.
Кругом – безудержное лето;
Как гладь зеркальная – вода.
Закинув удочки подальше,
Мы с другом курим и молчим.
Нет разговоров – нет и фальши,
Лишь молчаливость – без причин.
За спинами в лесу росую
Час суждено траве блеснуть.
Рождая эхо над водою,
Кукушка начинает петь.
И нет мечты, и нет заботы,
Лишь неподвижности полет.
И ждешь: вот-вот тяжелый кто-то
Упруго леску поведет.

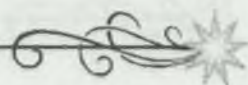

Знойный день

Ленивый зной. В разгаре летний день.
Ни ветерка, ни облачка на небе.
Под дубом разлита большая тень –
Страна блаженных грез, где нет сомнений.
Поднявшись вверх, где солнце и покой,
Семейство карасей гуляет важно.
Плывет, подняв головку над водой,
Уж – малый путешественник отважный.
Кометой пролетает стрекоза,
Съедая на лету большую муху.
Ее большие грустные глаза
Молчат о том, что в целом мире сухо.
Леса и реки август опалил
Тлетворным и губительным дыханьем.
Живое ждет, чтоб дождь с небес полил,
Природа издыхает в ожиданье.
Трава суха и ломится, безлика.
Пыль горько оседает на губах.
И, изнывая от жары великой,
Рой ангелов томится в облаках..

Под стук дождя

По стеклам веранды постукивал дождь,
Финально, тоскливо, несмело.
Я тихо дремал, погружаясь в ложь,
Какую бы сон ни поведал.
Я зрил результаты прекрасных идей,
Несущих любовь всем миру.
Я видел улыбки счастливых детей,
Над всем воцарившую лиру.
И эхо войны не носилось нигде,
Тревожа усталые лица,
Ничто не спасало в малейшей беде;
Все знали: беда не случится.
Исчезли повсюду и зависть, и злость...
По стеклам веранды постукивал дождь.

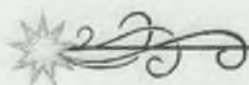

Гроза

Гроза отбушевала. Лишь минуту
Назад здесь веселился ураган,
Характер свой показывая круто.
Пейзаж долины пожирал туман.
Дрожали от испуга в небе звезды,
Как слезы у ребенка на глазах.
И наводнение, полное угрозы,
Весь луг цветущий превратило в прах.
И в грохоте свергались камнепады –
С немислимых высот зачем-то прочь.
И не нашли бы места вы, куда бы
Укрыться от стихии в злую ночь.
И непонятной делалась погода:
То ливень лил, то зимний холод был,
Как будто бы отчаявшись, природа
Решила вылить весь избыток сил.
Вот что в уме творило вдохновение!
Но вновь светла долина и тиха.
Последствия исчезли разрушения,
И просыхает рукопись стиха.

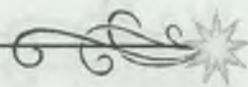
Луна

На небе пол-луны. Вторую некто
Хватил с размаху острым топором,
Понес домой, да выронил вот где-то
И не нашел нигде ее потом.
Вторая половинка покатиалась
И плюхнулась с плеском в старый пруд.
И, как бы вверх подняться ни стремилась,
Она и нынче остается тут.
Луна-то будет целой, это враки.
Но нынче между нею встал забор.
И тихо воют волки и собаки,
Тоскуя о разлуке двух сестер.

Язык бабочек

Начертанный цветочною пылью,
И бахромою с самых нежных крыльев,
И грозами навеки смытой пылью,
И чистой предрассветною росой,
Вещает нам таинственный язык
О краткой красоте существования,
Что счастье – в бесконечности познания,
Что безупречен лишь Природы лик.
Всех мыслимых расцветок существа
Порхают, словно ангелы, над лугом.
У них учитесь, пользуясь досугом,
Познанию и смыслу естества.
Лишь бабочек волшебный иероглиф
Гармонию душе приносит в дар
Таинственный безогненный пожар,
Спустя века и дни сомнений долгих.
Хотя язык и непереволим
И смысл его – в бессмысленности, но
Он открывает к вечности окно,
И мы всю зиму сказки те твердим,
Начертанные ярко на лугах,
На лепестках, травинках и листочках,
В ответ которым только звезды ночью
Свои легенды шепчут в облаках.

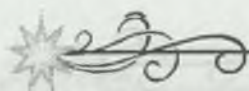

Осеннее

Есть благодать в осенней тихой грусти.
Пускай с листвой осыпаются мечты –
Без осени не будет вновь весны,
И пусть душа веселья не допустит,
И пусть строка течет из-под пера,
Слезой, а не капелью или воском.
Пусть улица невзрачна и неброска,
Пуста, безлюдна, глупа и сера –
Но есть в осенней грусти благодать...
Сквозь шум дождя я слышу стоны, крики,
А в лужах вижу памятные лики –
И хочется безумно пострадать...

Богиня осени

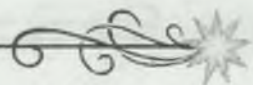
Сентябрь открыл нам такую красу!
А небо – не серо, не сине.
Осенняя бродит богиня
В предсмертно-прекрасном лесу.
Увидеть ее не спеши:
Лишь избранным это дается.
Но песнь ее сладко прольется
Для каждой усталой души.
Глядит из прозрачных ветвей;
Как гроздья, листву обрывает;
Как ветер, по травам ступает;
И, жертва своих же затей,
Исчезнет к зиме. Но пока
Алтарь ее – эти рябины;
Звучат еще в честь ее гимны,
Поют их и лес, и река.
Вчера улыбалась, как лето –
Сегодня взгрустнула дождем.

А завтра спокойным лучом,
Посмотришь, опять все согрето.
Туманом чтоб все затянуть,
Чудесное зелье варила.
А после таинственной силой
Кругом разлила эту ртуть.
Я знаю, кто выткал предутренний иней,
Кто иглы на елях свивает в кольцо.
Скажи лишь: зачем у прекрасной богини
Твое дорогое лицо?

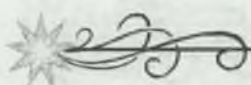
Сентябрь

Листва сырая пахнет сладко,
Как почки клейкие весной.
Рябины гроздь глядит украдкой,
И листопад идет стеной.
Там – тенор птицы, там – сопрано,
И вместе – оперный куплет.
А что не видно за туманом,
Того, быть может, вовсе нет.
Как прежде, изумрудна хвоя;
Рвет ветер тучки, листья рвет.
Сентябрь! Весь лес – святая Троя –
Вот-вот к ногам твоим падет.
Поддай огня, тоски, обмана!
Тем ближе будем мы к весне.
Смотри, мой спутник: из тумана
Плывет Харон в своем челне.
Ведь души есть и у деревьев...
Но ветер нас с костями ест.
Лес рассказал свои поверья.
Домой! Вот – занавес... Разъезд.

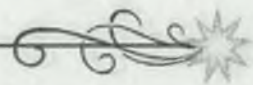
В ночном лесу

Ничего не видно. Грязь и сырость.
Тяжек путь – и что там, впереди?
Бьет по сердцу тяжкая унылость,
Как тугие ветви по груди.
Вдруг лицо обнимет паутина,
Странной лаской ужаса прильнув.
То проймут в траве глазами злыми
Светлячки, таинственно мигнув.
Дерево сухое – как отрада:
Прислонишься, силы в путь – и глядь:
Несколько мохнатых шелкопрядов
Шорохом приветствуют тебя.
То в тиши, среди черных, липких елок
Кто-то вдруг всплакнет на миг – и все.
Может, заблудившийся ребенок,
Может, не родившийся еще.
То в тумане, среди стволов сосновых
Промелькнет знакомый силуэт,
Страх твоей душе подарит новый,
Но еще – надежды тусклый свет.
Ты ли бродишь здесь, в ночи блуждаешь,
Ты ли завела меня сюда
И в слезах, отчаявшись, взываешь,
О полянах солнечных мечта?

Монолог опавшего листа

Я дожил до конца сентября
И теперь на земле умираю.
Отлетела со мной жизнь моя.
А ведь было, как помнится, в мае:
Я родился из почки на свет
И все лето не мог надышаться.
Так уверен я был: смерти нет!
Жизнь дана, чтоб всегда наслаждаться!
Но покрыла меня желтизна,
Как людей седина покрывает,
И в преддверии вечного сна
Я теперь на земле умираю.
Отлетая, я долго кружил,
Ибо к ветке обратно стремился.
Как нелепо я все-таки жил
И как долго на землю ложился...
И теперь отхожу не спеша,
Вспоминая далекое лето.
И куда устремится душа?
Есть ли души у листьев вообще-то?
Здесь с братьями вместе лежим,
Как на поле отчаянной брани,
Никуда мы уже не спешим,
Отлетели мечты и желанья.
Нехорош и гербарий из нас:
Ну зачем вам в гербарии трупы?
Кто бы знал наши чувства сейчас –
Относился бы к жизни не глупо.
Я дожил до конца сентября,
А теперь на земле умираю.
Мимолетна была жизнь моя.
И зачем я родился – не знаю

Первый снег

В ту ночь вода о чем-то пела,
В бессоннице шумел прибой,
Листва покорно шелестела
Под запоздавшею ногой.
Холодный вихрь в бреду метался,
Потом уселся на сосну.
Туман, как занавес, раздался,
Россия выла на луну.
И, как простуда, отовсюду.
Дышала осень тяжело.
Никто давно не ждал уж чуда,
И все ж оно произошло.
Разверзлись небеса внезапно
И в тот проем сплошной стеной,
Нежданно и невероятно,
Не хлопьями, а так, крупой,
Пошел вдруг снег. За час недлинный
Устлал он крыши и асфальт,
И кисти пурпурной рябины,
Скрывая землю, словно клад.
Он тихим ангелом спускался
С небес, танцуя свой балет,
И не спеша всего касался,
Боясь обжечься о запрет.
Лишь кое-где из-под покрова
Торчит пожухлая трава.
Но все понятно с полуслова:
Зима берет свои права.
И, в будущем известный гений,
Когда весь город в снах затих,
Познав блаженство вдохновенья,
Вдруг написал свой первый стих,
Еще неловкий и несмелый,
Как первый снег – не навсегда.
А в небе странном, черно-белом
Дрожит от холода звезда.
Растаял первый снег наутро,
Ушел, как с берега волна,
И с крыш закапало, как будто
Осенним днем пришла весна.

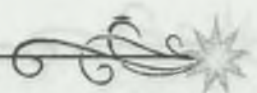

Фиалки

На подоконнике моем цветут фиалки,
Они глядят все время за окно –
Не то удивлены, не то им жалко,
Что их собратьев снегом занесло.
Надевши длинный плащ из снегопада
И холодом дыша из всех углов,
Декабрь на землю сходит и преграды
Не знает, расстилая свой покров.
Там, за окном, метели завывают,
Мороз и зимней ночи седина.
Цветы на подоконнике не знают,
Что есть стекло – незримая стена.
Цветы не знают, по какой причине
Их не засыпал снег, не сжег мороз.
И в небольшом горшке в земле и глине,
Как по весне, их целый куст подрос.
Зеленых листьев бархатная кожа
И розовая нежность лепестков...
Вся комната теперь на сад похожа,
И май идет под мой невзрачный кров.

Белый снег

Октябрь у нас сменяется зимой –
К живому беспощадною порой.
Снег покрывает город пеленой,
Нытье повсюду слышится народа,
Что к нам весьма безжалостна природа,
Никто не хочет мерзнуть, Боже мой!
Зима – пора великая: природа
Себя перерождает год от года.
Очищены леса, пруды, овраги,
Душе с нуля все хочется начать,
Бежать в мороз, бороться и искать...
И белый снег – как чистый лист бумаги.

Зимний рассвет

Еще не видны в небе звезды,
Но серый отблеск уж накрыл
Собою все – пусть слишком поздно
И вяло, будто бы без сил,
Белеют медленно сугробы,
Что были синими всю ночь
И звездно серебрились, чтобы
Мрак хоть немного превозмочь.
Над ними, гордо возвышаясь,
Смиренно гаснут фонари,
До вечера с людьми прощаясь:
Они живут лишь до зари.
Рассвет дневной – закат для ночи,
Вот-вот наступит сам восход,
Как поэтическая строчка,
Как завершающий аккорд,
Вот-вот родится с новым сердцем,
Для новой жизни воспарит –
И окровавленным младенцем
Багровый шар на мир глядит.

На морозе

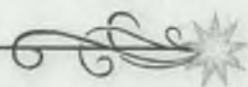
Прекрасен день, хоть в воздухе парят
Грядущие простуды и одышки.
Как статуи античные, стоят
Деревья в белизне у телевизки.
Не любит зиму, видимо, никто.
Так мало лиц... Куда-то все стремятся.
Мне ж на морозе сладко и легко,
Ресницы и борода серебруются.
Я по кварталам выйду на каток,
Где нет сейчас людей, по льду скользящих.

Вчера, я знаю, пара твоих ног
Оставила здесь след в коньках блестящих.
И я найду, и я прочту твой след,
Пусть лишь тревоги мне сулит посланье.
О, не сочтите за февральский бред,
Сочтите за любовное признание.

Бабочка

Не в зеленой свежести июля,
А среди зимы, в тоскливом сне,
Мне явилось истинное чудо
В месяце морозном – январе.
Я в своей зашторенной квартире
Обнаружил на полу в пыли
Бабочку, что из иного мира
В мой пришла. Ну, что же, заходи!
Крылышки зеленые при свете –
Трепетные ангела ресницы,
Как частица будущего лета,
Чистая природная страница.
Красота природы воплотилась
В маленьком дрожащем существе.
Здесь ему, конечно, не прижиться,
Но в его природном естестве
Я на миг хотя бы, но увидел
Света луч в туннеле бытия,
Арфы звук в тиши прозрачной зыби;
Хоть на миг один душа моя
Ожила и в счастье трепетала,
Стала вдруг светла и так легка,
Бабочкой зеленой запорхала –
Непорочна. Радостна. Чиста.

Январь

Мороз и ветер больно бьют прохожих,
Топорщится рождественская ель
На площади, до странного похожа
На купол церкви; сильная метель...
Вечерний мрак подсвечен краснотою,
Мчит улица неведомо куда..
И сверху город кажется порою
Большим тортом из снега, зданий, льда.
Быть может, человек стоит на месте,
А снег и тусклый отблеск фонарей,
И улица, и здания – все вместе
Вращаются с планетой все быстрее.
Никто тепла и жизни не прибавит –
Суровая зима умами правит.

Трепещет сердце

С утра трепещет сердце, ожидая...
Чего? И сам не знаю, может быть.
Но что-то издевается, пытая.
Не пьется чай, не хочется курить.
Колени не сгибаются к молитве;
Слова летят, а чувства на земле.
И, видя эти глупые попытки,
Всплакнул Христос с иконы на стене.
Кто на душу мою взвалил поклажу?
Ни фильм по телевизору пустой,
Ни Лермонтов на полке не подскажут,
Что происходит в этот день со мной.
Весь день желал чего-то, не вникая,
Чего хочу. Безжалостный каприз!
Душа металась, плотию больная...
Сел за стихи – лишь карандаш изгрыз.

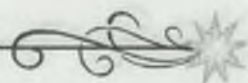
И только в ночь, под волчий вальс метели,
По сантиметру опускаясь в сны,
Душа и сердце, выстрадав, прозрели,
Что им всего лишь хочется весны.

Предчувствие весны

Еще стоят день ото дня морозы,
Еще пурга себя не превзошла –
Зима наполовину лишь прошла,
Скрипят от хлада сосны и березы.
На голубом чернея небосклоне,
Два ворона над елями парят,
Они плывут как будто – не летят;
Так дремлют паруса на водном лоне.
Парят себе неведомо куда,
Недвижимы – и грации подобной
Нет у орлов, породы благородной.
Лес спит, чуждаясь всякого труда.
Но, может, видит сны о возрожденье.
В апреле дело снова закипит,
И новая капель нам возвестит
О перелетных клинов возвращенье.
Снег, обернувшись талою водой,
Чтоб лишь к зиме вернуться вновь, растает.
Уже он вечерами обретает
Оттенок новый, бледно-голубой.

Приди, весна!

Все замерло в предчувствии весны...
Вздохнув, как будто в радостном волненье,
Природа выдохнуть уж не находит сил
И ждет поры любви и вдохновенья.

Уж ярче снег под небом голубым,
Теплее солнце и стихи прекраснее,
И под небесным сводом золотым
Года прожитые не кажутся напрасными.
Гармония в природе и в душе
Вдруг разольется бурными потоками,
Волною чувств плеснет, как в мираже,
И выльется рифмованными строками.
Приди, весна! Нам надоело ждать,
Все ждать, когда оттают наши души.
Скорее обними весь мир опять,
Нас ожидание уж слишком долго душит.
И, как осуществления мечты,
Мы ждем, куда светит солнце.
Сейчас мы ждем, когда наступишь ты.
Приди, иначе задохнемся!

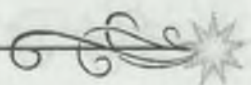
Желания

Дайте мне подснежников горстями –
Ароматом нежным подышать.
Никакими на земле словами
До конца весну не передать.
Дайте лечь под юную березу,
Чтоб вливался в горло сок струей.
Так весна влетает в жизни прозу,
Как в окошко – бабочка порой.
Мне бы только тающею степью
Пролететь на бешеном коне,
Стало б легче: жизнью, словно смертью,
Насладился б я тогда вполне.
Зрелость и восторженность расхожи,
Как ручей и море; но весной
Все стихи на ранние похожи:
Дышат беззаботностью одной.

Запоет душа

Весна, как чистый небожитель,
Сойдет к нам снова с облаков,
И я, восторженный мыслитель,
Как музе, дам ей в сердце кров.
Она теплом сожжет морозы,
Свернет, как простыни, снега.
Весенние метаморфозы
Цветами выкрасят снега,
Душа, скорбящая в неволе,
Замерзший кокон разорвет
И, вновь в своей любимой роли,
Вся затрепещет, запоет.
И новые стихи родятся,
Душистые, как сам апрель,
Как может в рифму лишь смеяться
С карнизов тающих капель.
Окрашенный лазурным светом,
Задышит теплотой эфир.
И вновь союз весны с поэтом
Отпразднует природный мир.

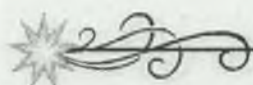

Дышать весной

Уже пушисто вербы распустились,
И ельник стал свежее и светлей,
И вверх с надеждой новой устремились
На всех стволах все кончики ветвей.
Подснежники влекут молочным цветом,
И сосны пахнут свежее смолой.
Весь смысл жизни, может, только в этом –
Чтоб ежегодно вновь дышать весной.
Трава на кочках блещет изумрудом,
Как будто снег здесь вовсе не лежал,
Как будто он, ломая все запруды,
Ручьем с прощальной песней не бежал.
Березы, словно осенью, раздеты,
Но вскоре обновится их краса.
И по лесам, куда ни глянь, поэты
Глаза возводят томно в небеса.

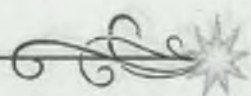
Тополя

Влажный воздух повис на листве тополей
Майской ночью с финалом дождя.
На молоденьких листьях лежит еще клей –
Распустились на днях тополя.
Веет свежестью дивной. Аллея пуста.
По ночам не выходит никто.
Лишь на небе луна – безупречно чиста,
Как на бархате неба пятно.
Целый день мы тоскуем о сути своей
И не знаем, как к счастью свернуть.
Кто вдыхал только раз близ сырых тополей,
Тот не вправе судьбу упрекнуть!

В весеннем лесу

Когда сидишь в лесу весеннем,
Сквозь плеск ручьев и сердца стук,
Сквозь ветра шум и птичье пенье
Прислушайся – доходит звук,
Какой-то странный и несмелый,
Какой-то тихий и простой.
Иль бог лесной, лесные девы
Играют молодой листвой?
Иль слышится тебе в том шуме
Движенье звезд и ход планет?
Иль червь сомнения в раздумье
Наводит слух на ложный след?
Или хор ангелов сзывает
Усопших, поражая слух?
И души на небо взлетают,
Как одуванчиковый пух.
А звук стоит весьма неловкий,
А звук пронзает тишину,
Не в нем ли Моцарт и Чайковский
Всю исчерпали глубину?..
И вдруг приходит пониманье,
Что если б он сильнее был,
То навсегда б прервал дыханье
И уж, конечно, оглушил.
И коль не знаешь черных мыслей,
И коль душа твоя чиста,
Сквозь бесполезность многих жизней
Ты слышишь, как растет трава?

Сирень

Уж цветет сирень – так пышно, густо.
На душе – так грешно и так пусто.
По весне я слабо в Бога верю,
А вокруг все в зелени и трели.
Мне не до молитв, святые боги!
Девушек разглядываю ноги,
Девушек разглядываю лица.
Каюсь, но ничем не откупиться.
Понимаю: откупа не надо.
Сатана с мечом у двери ада.
Но вокруг все в зелени и трели,
Райское цветение сирени!

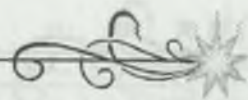
В березовой роще

Я бродил под этими березами,
По одной девице все вздыхал.
Их стволы еще увиты грезами,
Теми, что я здесь поразбросал.
До сих пор еще стихи здесь слышатся,
Те, что сочинял тогда нежней,
И листва не ветром здесь колышется –
Вздохами печальными о ней.
Только глядь: окурки и бутылки,
Прочий мусор (роща – для него!),
И собака с наглою ухмылкой
Гадит, не стесняясь никого.
Дай, Господь, такую власть мне, чтобы
Я табличку здесь приколотил,
И в мое святилище никто бы
Аж под страхом смерти не входил.
Но девица мной давно забыта,
И мечтатель новый вон идет...
Ладно, царствуй! Для тебя – открыто!
Вы, влюбленные, смешной народ.

Моя весна

Ни зима, ни лето надо мной
Абсолютно не имеют власти.
Осень только раннею порой,
Мимолетной, как любое счастье,
Может взволновать усталый дух.
Но весна... весною я меняюсь.
Все тревожит зрение и слух.
Сердце, от застоя просыпаясь,
Сбрасывает старую кору,
Ощущает каждое рожденье:
Первого подснежника в бору,
Первого ручья со звонким пеньем.
Вырываясь, каждый клейкий лист
Сладкой болью в сердце отдается.
Веселее щебетанье птиц,
Что согрелись, наконец, на солнце.
И какой волшебною и чистой
Вдруг всего охватит теплотой,
Если над проталинкой душистой,
Вкруг которой снег еще густой,
Запестрит вдруг бабочка, сначала
Непривычно бросившись в глаза;
Не успел опомниться – умчалась.
Так рождает радугу слеза.
Ах, апрель!.. но май прекрасен тоже:
Яблонь и черемух аромат,
Шелковые ветры гладят кожу,
Облака выходят на парад.
И опять на сцене у природы
Занавес подняли небеса:
Главная мистерия подходит –
Первая весенняя гроза.

В ожидании первой грозы

Когда ж настанет час благословенный,
Мечтой органа прогремит раскат,
Под вихрем ветви дико зашуршат,
Лаская слух томленьем незабвенным.
Томленьем иль свободою? Как знать...
Когда в стекло окна забарабанит
Могучий Дух, что нам дождем предстанет,
Как сладко тогда будет убежать
Под ливень, под его благословенье,
Смотреть, как жмутся под любой карниз
Частицы человечества; каприз
Природы сжег на час их самомненье.
Что ж делать – я зонтов не признаю.
Вот молния, красива и опасна.
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
Вцепись корнями в землю на краю
И так замри... но серый мрак уходит,
С ним утихают ветер, дождь и гром –
Успокоенье входит в каждый дом,
И радуга дорогой в небо входит.
Но долго будет жить напоминанье:
Разлита свежесть в воздухе легко,
И дышится свободно, глубоко,
Как будто перенес свое страданье.

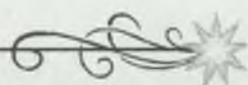

Природа

Смотри с душой вокруг себя:
Как точен механизм природы!
Цветок, и лист, и звон ручья
Величье отражают Бога.
Приди на пруд в ночи, во тьме,
Пусть звезды светят лишь – и только;
И, отраженьем в глубине,
Узришь Всевидящее Око.
Взгляни на молнию: лишь миг
Она сверкнет – и пропадает,
Но в этом блеске Бог свой лик,
Как в зеркале, отображает.
Леса животными кишат,
Они все прославляют Бога,
Разнообразны голоса
Поют величественны оды.
Цветы возносят аромат
Торжественных благоуханий,
Деревья пышны шелестят...
Вот только в стороне мы с вами.

Мир прекрасен!

Вы правы: если вдохновенье
Испытывает всяк поэт,
То – не небесное явленье,
А просто воспаленный бред.
Возможно, коль в ромашке белой
Он часто видит красоту,
То болен он умом незрелым
И знает истину не ту.
Но общепринятое мненье
Простора мысли не дает,

И существует вдохновенья
Преград не знающий полет.
Для вас весь мир уродлив; что же?
Мы ль виноваты в том, что ты
Не ощущал мороз по коже
От звезд безумной красоты?
Ведь где-то есть какой-то гений,
Он в сердце иль над головой,
Ведь и тебя червяк сомненья
Грызет нередкою порой.
Тот гений нам приоткрывает
Какой-то отблеск неземной
И постоянно убеждает,
Что мир – красив, что мир – иной.
И только это убежденье
Сидит второй душою в нас,
И каждый приступ вдохновенья
Не обойдется без прикрас.
Но нет.. сказал я как-то глупо:
Не приукрасит ничего
Поэт – он лишь опишет скупю
То, что в природе разлито.
Все описание дать не может
Скупое слово – только мысль
Его, вообразив, размножит,
И только ей дана вся жизнь.
А потому лишь приоткрыта
Для нас Вселенной красота;
Пусть истина у вас открыта,
И пусть у вас она не та,
Но вот что знаю я: не властен
Над вами гений – лишь злодей.
Так бесконечно мир прекрасен!
Уродство ж – в головах людей

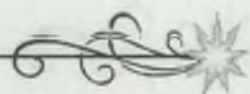
Женщинам

Женщины – сокровища Земли,
Вы – источник Красоты и Света.
Что б без женщин миру дать могли
Гении, и в том числе поэты?
Терпелива мать, верна жена.
Что ж мы делаем порою с вами?
Но теперь поступки и слова
Сгладить попытаемся стихами.
Ждете нас с работы и с войны,
Ждете нас, хороших, недостойных.
Ждете – и не менее сильны,
Ибо ждете. Даже и покойных.
Ждете – не найдете себе мест
И готовы лечь костями в равнинах.
Дали б Богородице тот крест –
И Она б взошла туда за Сына.
Так же погибали вы в боях,
У станков стояли – хрупки, ломки.
Приходилось – побеждали страх
Наши дорогие амазонки.
Вас на троне видела страна,
Коль, сломавшись, император в Лету
Уходил. О где вы, времена
Двух Екатерин с Елизаветой?
Этот день не зря в календаре
По весне, как праздник ваш, отмечен:
В счастье, в горе, при любой поре
Нас цветеньем радуете вечным!
Матери, Россия, вся Земля,
Бабушки, возлюбленные, сестры!
Поздравляем, искренне любя,
В вашу честь провозглашаем тосты.
Женщины – сокровища Земли.
Смысла жизни – это счастье с вами.
И, куда б ни плыли корабли,
Вечно будьте вы в жизни маяками!

Ода любви

В стихах нередко Мудрость воспевая,
Пронзая философии туман,
Хоть раз, Любовь, тебя воспеть желаю,
Чтоб не сказали: этот – истукан.
Космические сферы ты вращаешь,
Цветами украшаешь ты траву,
И чудищ ты в красавцев превращаешь
Не только в сказках, но и наяву.
Сперва в глазное яблоко вселившись,
Ты изменяешь суть явлений всех,
И, мощной лавой по крови разлившись,
Ты в добродетель превращаешь грех.
Рассудок подвергаешь ты распаду.
То ангелом в душе начнешь порхать,
То обернешься вдруг исчадьем ада,
Хотя об этом лучше умолчать.
И умудренность, и сама невинность,
Царица из божественных актрис.
Твой пьедестал – волшебная взаимность,
И счастье – твой извечный бенефис.
Ты многогранным делаешь пространство,
Неведомые создаешь миры.
Твой главный козырь – это постоянство,
Хотя весьма непостоянна ты!
Ты – всех вещей особенная мера.
Перед рассветом в небе видел я:
Плыла звезда зеленая, Венера, -
Не родина ль далекая твоя?

Подарок

Ты в подарок от меня прими
Небо ночи, звезды и луну.
В море набежавшую волну,
Свежесть утра, красоту зари.
Солнца радость, свет и теплоту,
Белых облаков нестройный ряд,
Золотистой осени наряд,
Легкокрылую мою мечту,
Ароматы полевых цветов
И с травы прозрачную росу,
Сильную и яркую грозу,
И еще возьми мою любовь.

Прикажи мне

Прикажи мне – и я приду
Через ветер, туман и мрак,
Через сотню врагов, пусть так...
Прикажи – я тебя найду.

Прикажи мне – и я умру,
Кровь прольется, как алый сок,
Лягу в дом из шести досок.
Прикажи – я тебе не вру.

Прикажи мне – и отрекусь
От всего, кроме Бога, я,
Кроме Бога и кроме тебя.
Прикажи – и к тебе вернусь.

Прикажи мне – я буду ждать,
Сотни лет буду ждать, когда
Ты мне все-таки скажешь «да».
Прикажи – я готов страдать.

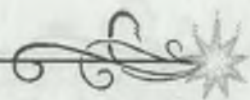

Прикажи мне – и я взлечу
Быстрой птицей под небеса,
Что чисты, как твои глаза.
Прикажи – я же сам хочу!

Прикажи мне – и я сгорю
Не в твоей любви, так в огне,
Все равно уже как-то мне –
Прикажи. Я тебя люблю.

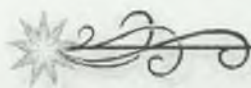
Не спится

Увенчан месяц отсветом, как митрой.
Весь город спит – спокойно и давно.
Ночь бодрствует, тысячеглавой гидрой
Заглядывая в каждое окно.
Внезапный гром ворочается, злится,
Как зверь, что ранен и теряет кровь.
Что ж этой светлой ночью мне не спится?
Быть может, все – внушенье, не любовь?
Треск крыльев различим над головою.
То затрепещет, то исчезнет он.
Но кто в ночи порхает надо мною?
Какой-то нетопырь? Иль Купидон?
Не тот и не другой, а залетевший
Не так давно бедняга-шелкопряд.
Теперь, как некий буйный сумасшедший,
По потолку он бьется наугад.
Спокойна только ночь. Лишь гром клеветет
Порою, вдалеке, на всех подряд.
Моя ж душа безвыходно трепещет,
Как этот безобразный шелкопряд.

Голубка

Ворон, развернувшись черной тучей,
Неподвижно в воздухе повис.
Уподобившись звезде падучей,
Через миг бросается он вниз.
И, голубку белую хватая,
Когти ей вонзил, пуская кровь.
Ах, жила она, еще не зная,
Что такое вечная любовь.
Гнева и забот еще не знала,
Устремляясь в первый свой полет.
Любящая мать не рассказала,
Как опасен ворона налет.
Ринулась она с доверьем в небо.
Как прекрасна показалась ей
Воронова стать! И была, и небыль:
Вмиг – в объятия гибели своей.
Умерла она, не понимая,
Отчего же в благородстве злоба.
Ворон же, на клочья разрывая
Пташку, насыщал свою утробу.
Я смотрел, как все происходило,
Вспомнив твой ответ – острее кинжала.
Что бы с нами в настоящем было,
Если бы ты мне не отказала?

Белая лилия

Рожденная водой, как Афродита,
Поднявшаяся из речных глубин,
Прохладной влагой дочиста омыта,
Дитя беспечных голубых стремнин,
Звезда проточных вод! Тебе свой томный
Лягушки дифирамб весь день поют.
Душистое и мраморное лоно
Дает стрекозам ласковый приют.
Но одинока ты – и все скучаешь,
Однообразна рябь твоей реки.
Ты рядом никого не замечаешь,
Лишь ветерок колышет лепестки.
Ты ждешь, когда придет пловец прекрасный,
Нарушит этот тягостный покой,
Сломает стебель твой и не напрасно
Сорвет тебя безжалостной рукой.
Зачем? Любой из нас бы счел занятным
Помять твой цвет и бросить на пески...
Цвети, пока свежа и ароматна!
Завять еще успеют лепестки.

Признание

Веселою строкой из-под пера
Скользнет с души наивное признание,
Что я влюблен, похоже, и тогда
Ты ощутишь вконец свое признание –
Со мной быть рядом. Зелень милых глаз
Навеки слей с безумным карим взглядом –
И там, быть может, разглядишь как раз,
Что нам обоим в этой жизни надо.
Я промолчу – глаза же не солгут,
То вскинутся к бровям, как крылья птицы,

То вниз опустятся. Они все время ждут,
И вверх, и вниз, и вкось, из-под ресницы –
Скажи сама! Я медлю, я боюсь,
Боюсь я показаться чуть смешнее,
Боюсь ответа. Или вдруг – проснусь!
Ответь хоть взглядом! Но... взглянуть не смею.

Зеленые глаза

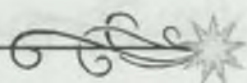
Я видел те зеленые глаза,
Которые не описать словами –
И пронеслась в душе моей гроза,
Ниспосланная в дар мне небесами.
Их омрачила не одна слеза,
Как показалось, в жизненных порывах.
Я видел те зеленые глаза,
Которые теперь забыть не в силах.
Пред блеском их стихает солнца жар,
И меркнут звезды, и цветам завидно,
Становится убог поэта дар,
И больше ничего вокруг не видно.
От них струится тайный, милый свет.
И только раз увидишь очи эти –
Полюбишь навсегда зеленый свет,
И все предстанет только в этом свете.
Увижу ли теперь листву дерев,
Пройду ли изумрудными лугами,
Услышу ли зеленых волн напев –
Все те ж глаза стоят перед глазами.
Я мог бы их со звездами сравнить,
Но, видно, звезды – ниже несравненно.
Сравнить их с чем-то значило б убить
Их блеск, вобравший всю красу вселенной.
Пред ними самый дорогой алмаз
Так дешев, так природой изувечен!
Таких быть обладательницей глаз –
Прекрасной самой значит быть из женщин.

Как может мир наш жалкий перенести
Сияние божественного взгляда?
Ах, верно, в тех очах такое есть,
Что всякий смертный умер б как от яда.
Но мудрый, рассудительный творец
Таинственную выставил преграду,
Отвел от нас безвременный конец,
Позволив восхищаться этим взглядом.
И смысла жизни вскроется тотчас,
Хотя бы было на уме иное:
Тонуть, тонуть в сиянье этих глаз,
Оставив все ничтожное, земное.

Встреча

Я к этой встрече мало был готов,
Исполнен безнадежного бессилья.
Таинственным велением богов
Росой внезапно растворились крылья.
Но что же ты в дверях – иль не пройдешь,
Окутана, как дымкой, прежней тайной?
А, впрочем, лучше, если ты уйдешь:
Тебя убьет один мой взгляд случайный.
А за окном ночная тьма царит,
Всего одно созвездье в небе синем;
У звезд его весьма печальный вид,
Как у фиалок, взрослых на могиле.
Беги – я равнодушен стал давно.
Беги, пока опять не стало больно.
Хоть ты ничуть не изменилась, но
Я изменился – этого довольно.
Есть люди злые, что иным дают
Лишь зло и бесконечные страданья.
Но все же мир к кончине приведут
Не вовремя свершенные деянья.

Нельзя не любить

Нам нельзя друг друга не любить:
Ждет меня наутро гильотина.
В камере моей тоска и пыль
Да в углу седая паутина.
Нам нельзя друг друга не любить:
Ждет тебя лишь клетка золотая,
Где любовь придется позабыть,
Где ее за деньги покупают.
Нам нельзя друг друга не любить.
Не внимая Божьему велению,
Может, я сорвусь и буду пить,
Если не изменишь ты решенья.
В грязь, как под орудие злой казни,
Мне придется голову склонить.
Я в какой-то стрессовой боязни.
Нам нельзя друг друга не любить.

Мы любил

«Мы любим тех, кто нас не любит,
Мы губим тех, кто любит нас».
В слепой запутанности судеб
Во лбу отверзся третий глаз.
Но даже он вещает с болью,
Что не любил меня никто,
Но – тоже благо! Нелюбовью
Не погубил я никого.
Однако все меня сгубили:
И ближние, и пара дев...
Эй, кто рискнет? Кому по силе
Весенний объявить посев
В моей душе? Придите, люди!
Иль растолкуйте пару фраз:
«Мы любим тех, кто нас не любит,
Мы губим тех, кто любит нас».

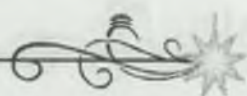

Без тебя

Я умру от тоски, знай,
Превращусь или в дождь, или в снег.
Без тебя мне не Рай – Рай,
Без тебя каждый день – век.
Если дождь – застучу вдруг
В сентябре я в твоё окно,
Через завесу дождя и стук
Разглядишь ты моё лицо.
Если снег – опущусь я
По зиме на весь стан твой.
Я с тобой, я люблю тебя.
Хоть и нет меня – я с тобой.
Я умру от тоски, знай,
Но останусь с тобой навек.
Прилечу я ветром в твой край,
Раз иного пути нет.

Не верю

Говоришь, что никогда не бросишь,
Говоришь, что самый я хороший,
Обещаешь мне любовь до гроба.
Я не верю в чувства низкой пробы.
Как ты там сказала? Аж навеки?
И такие вот все человеки...
Ведь навеки – это после гроба.
А до гроба – мало и убого.

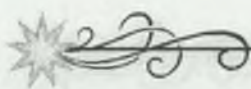

Суета сует

Увы! Все сон, все суета сует.
Любовь сверкнет упавшею звездой.
Зачем, как сумасшедший шепчет бред,
Шептать свои признанья под луной?
Зачем подарки делать? Ерунда.
Доход излишний трать на алкоголь –
Пусть он залижет чувства и дела,
Пусть он уймет неистовую боль.
Хотя любовь, конечно, есть любовь,
Но – к Богу, к ближним и к своей стране....
На ум приходит только рифма «кровь»,
Так пусть в крови отрада будет мне.

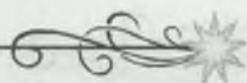
Для тебя

Подчас хочу писать лишь для тебя,
Мне не нужны мечтания о славе.
Пусть сгинет все – но ты б меня ждала,
А остальное сбудется едва ли.
Хочу быть мэтром зимних вечеров,
Когда в компании с настольной лампой
К груди прижмешь тетрадь моих стихов
И ощутишь, что я с тобою рядом.
Уеду в путь далекий летним днем –
Ступай гулять, сядь на скамейку в сквере,
Прочти тетрадь, подумай: «Это он!»
И снова рядом мы с тобою, верь мне.
А может быть, уедешь вскоре ты –
Возьми с собой и не спеши с отдачей.
Под стук колес вагонной суеты
Читай и знай: я рядом. И удача.

На жизненной тропе

Я шел ночной тропой, что жизнью все назвали,
И падал много раз в кромешной темноте.
Я видел звезды – все лишь холодно мерцали,
Взаимностью тот путь не освещая мне.
Но новая звезда внезапно загорелась
И осветила вмиг собою небосклон,
Тогда душа моя невольно загляделась,
И этою звездой всерьез я увлечен.
И раньше я не спал, теперь не сплю все чаще,
Хоть это не любовь – она лишь впереди,
Прошу Тебя, Господь, сомнений этих чашу
Возьми из рук моих и мимо пронеси!
С другой же стороны, звезда горит так ярко,
Сомнения мои рассеет лишь она.
Зажгла она в душе пожар нетленно-жаркий,
Так пусть, коль я не мил, затушит все сама.
Гори и не сгорай! Прошу: не уподобись
Всем звездам остальным, как идола в ночи.
Они роняют свет; где их душа, где совесть,
Где их живой огонь? Но только не молчи.
Не знаешь, что сказать на это вот признание,
Подумай и ответь, я не обижусь, нет,
Если еще до встреч предскажешь расставанье,
Если не будет твой ответом «Да» ответ.
Не знаю, может быть, все это и пройдет,
Проходит же любовь – не то что увлечение,
И в случае любви осудит, не поймет
Нас глупая толпа, слепое поколение.
Итак, я жду звонка, ответа ли в лицо мне,
Письма иль что ты так сумеешь вдруг найти.
Советую одно: чужих не слушай мнений
И верь: пойду ль опять по скорбному пути,
А может, и с тобой – вовек ты не угаснешь,
И отношение к тебе не изменю.
Пока я увлечен. Но при желанье нашем
Приблизись день, когда скажу я, что люблю.

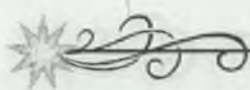

Безумный роман

Он был ниже ростом. Она была краше.
Он был как подросток, на пару лет старше.
Зато он был смелый романтик и умный,
Она – королева романов безумных.
Он был самым нежным, она была тоже,
Безумно похожи, но разные все же.
Над нею смеялись, подруги рыдали,
Его унижали – они не сдавались.
Однажды он умер, не выдержав жизни,
Задергалось тело в крови под машиной.
Забили тот гроб, и сказали все вместе:
«Вот этот любовь!.. А могла стать невестой...»

Светлане

Не ведая большого чувства,
Я расточал душевный жар.
Горели строки! В сердце ж – пусто,
Там не был истинный пожар.
И думал я, от праздной жизни,
Что ты и есть моя любовь.
Прости, Светлана, эти вирши.
Все та же глупость – вновь и вновь.
Друзья мы лучшие навеки!
А заставляло за любовь
Принять простые чувства эти
Лишь различие полов.
Но дай мне чувств и вдохновений,
Дай неги, дай надежды снов,
Безумно-тягостных стремлений!
А может быть, придет любовь.
Не так уж мы давно знакомы,
А время греет чувства жар,
И в сердце, с дружбой лишь знакомом,
Зажжется истинный пожар.

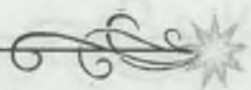

Завидую

Я завидую ветру. Он целует тебя.
А вот я целовать не вправе.
А душа – в золотой оправе,
Я бы не целовал любя.
Я завидую, что асфальт
Как ковер тебе стелется под ноги.
Для меня это даже подвиги.
Дай мне место, асфальт, как брат.
Я ревную к дождю, к судьбе,
Я ревную, завидуя воздуху,
Я завидую вдоху, роздыху
И за то, что люблю – себе.

Сонет

Ты холодна, упряма, чуть скучна.
Не знаю, для чего и быть нам вместе.
Невзрачна, не приметна, не видна,
Узрело ж сердце эту вот невесту!
Не можешь с полуслова ты понять,
Как я томлюсь, как я всегда скучаю.
На телефоне лишь пять цифр набрать
Один раз в сутки, сложно? Ну, не знаю...
Ты не умеешь в душу заглянуть,
Ты лишь себя до неба превозносишь,
Не хочешь меня слушать хоть чуть-чуть,
Ты все мои слова, как травы, косишь.
Но если я разрушу все мечты,
Где мне найти такую же, как ты?

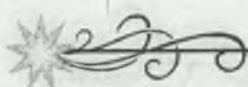

Не звонишь

И не звонишь, и рядом нет тебя,
А все ж еще живо любви томленье,
Как жаль, что мне не выразить, любя,
Всех чувств в одном простом стихотворенье.
Не убивай презрением, молю!
Тебя я недостойн – это точно.
Проходят дни – я все сильнее люблю,
Тоскливо, сумасшедше, непорочно.
Я тоже человек – не надо так.
И если уж надежды все напрасны,
Так и скажи – развея коварный мрак
И разруби узлы – хоть будет ясно.
И пусть же в безнадежной тишине
Возлюбленной могила станет мне.

Голос твой

И вот в моей квартире безотрадной
Раздался, пусть по телефону, голос твой.
Как влился в душу он рекой прохладной!
Какой настал чудесный непокой!
Так вдруг в пещере, и сырой, и грязной,
Вдруг молния блеснет на краткий миг,
И вот уже становится прекрасным,
Пусть лишь на миг, пещеры мерзкий лик.
Так голос соловья в сторовшей чаше
Приглядней местность делает, и враз
Становится душе намного слаще,
Пока звенит с ветвей небесный глас.
И вот сижу, как после воскресенья,
И многого еще не понимаю:
Мне, недостойному вниманья и прощенья,
За что, откуда благодать такая?

Пойдемте гулять

Пойдемте вечером в аллею!
Не то успеем не успеть.
Простите мне, что я наглею,
Но надо ж иногда наглеть.
Пойдемте вечером под липы,
Простите мне мои грехи.
Я буду трезвый, гладко бритый,
Я напишу для вас стихи.
Хотите – выведу вас в пьесе –
Шекспир от зависти опять
Умрет; да лишь из интереса
Изгажу не одну тетрадь.
Начнется дождь – нырнем под крышу
И там такого натворим!
Быть может, ростом я не вышел,
Зато мой предок – дворянин.
Хотите Рим опять в пожаре?
Хотите – подарю звезду?
Хотите, здесь, на тротуаре,
Я на колени упаду?
Вы так божественны! Нисколько
Я не могу для вас солгать.
Я жизнь за вас отдам, но только
Пойдемте вечером гулять.

Остановись, Земля!

Выходит, без толку вращается Земля,
Раз мы с тобой не видимся неделями,
Не приближает ни на шаг тебя –
Зачем ее вообще тогда затеяли?
Народу на планете – тьмы и тьмы.
Они тебя не знают – как живут они?
О, мелочные, глупые умы!
Земля полна бесчувственными трупами.
Остановись, планета! Мы сойдем.
А ты крутись, вращайся себе дальше.
Останемся с возлюбленной вдвоем.
А ось твоя скрипит... в ней много фальши.

Проживу ли без тебя?

Все. Решено. Я выскажусь тебе.
Ты можешь наказать меня презреньем,
Холодным равнодушием, в беде
Оставить для душевного растленья,
Но я скажу. Мне страшно потерять
Надежды искру – чувства все слабее.
Мне хочется их либо поддержать
Огнем взаимности, а либо поскорее
Все кончить – и забыться в жизни той,
Привычной, одинокой, безмятежной,
Чуть бешеной, прекрасной, холостой,
Одновременно быстрой и неспешной.
Ты дашь отказ – и я отдам себя
Обратно суете на растерзанье.
Безумный мир, работа ждет меня,
Мне надо получать образование.
Я все забуду. Это ерунда.
Пусть жизнь моя тебя не беспокоит.
Вот только проживу ли без тебя?
Я жду твой приговор! Признанья стоит?

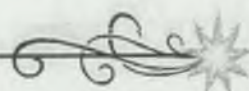
Первое утро

Пятнышко крови на простыне белой
Первый луч солнца на миг осветил.
Видно, не то я вчера что-то делал:
Так много бл...., так мало любви...
Судя по простыне, все это было.
Я-то сначала подумал: игра...
Вот и бутылка, в которой игриво
Море портвейна плескалось вчера.
Чувства внутри что-то перемешались...
Радости, гордости нет никакой.
Пьяные, в озере ласки плескались.
Не попрощавшись, ушла ты домой.
Мрачное душу охватит веселье:
Может, мы граждан прибавим Отчизне!
Пепел. Бутылка. Чифирь на похмелье.
Первое утро недевственной жизни...

Твои глаза

М.

И не было когда-то ничего,
Пока твои глаза мне не приснились.
Случиться это лишь во сне могло –
Душа надеждой новою забилась.
Иду ли, устремив глаза в асфальт –
В извилинах он профиль твой рисует.
Тебе, как кошке, нравится играть
Запутанным клубком мышинных судеб.
Ты дашь сперва почувствовать любовь,
Лишь взглядом мне отворишь эту дверцу
И, насладившись, выпустишь мне кровь,
Как когтем, разорвешь отказом сердце.

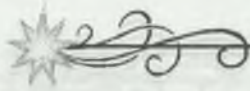

Я повернусь, уйду куда-то в ночь
И, может быть, к виску приставлю мушку.
Ты посмеешься, может, и вздохнешь,
Но все равно забудешь, как пирушку.
И все не так, конечно, быть могло,
Но есть надежда: чувства сил напились.
Ведь не было когда-то ничего,
Пока твои глаза мне не приснились.

Я умирал

М.

Я умирал – иль было хорошо?
Я умирал, мне было слишком больно.
Я умирал, а кто-то там еще
В углу смеялся – черный и довольный.
Я проклял все: безумные мечты,
Локтей касанье, взгляд ее и платье
Я проклял всемогущье красоты
Я проклял все известные проклятья.
И я в мечте бездонной утонул,
И я в мечте нашел немного силы –
Подушкой в того черного швырнул...
И я в мечте нашел свою могилу.

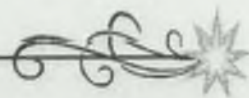
Влюбилея

М.

Я кинул свой алмаз в бокал с вином,
И он поведал мне, что там – отравла.
Но, будто и не ведая о том,
Я выпил гладь таинственного взгляда,
Который отравил меня собой.
Зачем же я так горестно напился?
Ведь ты предупреждала, что с тобой
Не выйдет ничего... Прости. Влюбился.
И не прошу свободы я назад,
Молю хоть о намеке на надежду.
Пускай меня всю жизнь твой травит взгляд,
Пока не сброшу плоть – свою одежду
И не уйду куда-нибудь туда,
В таинственную даль иного края.
Но я боюсь уже, что без тебя
Душе не надо будет даже Рая.

Лолита

Едва полураскрывшийся цветок,
Невинный, как звезда перед зарею,
Заброшен вдруг в стремительный поток
Безжалостной и дерзкою рукою.
Подхваченный безумною волной,
Стремительно плывет по воле рока,
Не по своей вине, а по чужой
Познавший злые таинства порока.
Соцветие валяется в пыли.
Цветущая весна в преддверье лета,
Ты счастья не изведала в любви,
Чужая миру и себе самой Джульетта.

Благоухает роза пред грозой,
Честь отступает, от добра уставши.
И в тишине слеза льет за слезой,
Лишь мысль мелькнет о чистоте вчерашней.
Пусть злой язык однажды и посмел
Судить твой нрав, весьма еще не прочный,
Не всякий бы понять тебя сумел,
И дорог сердцу образ твой порочный.
Таинственное, милое дитя...
В тебе страданье с красотой слито.
И как нам можно не любить тебя,
В огне сгоревший мотылек, Лолита?

Расстались

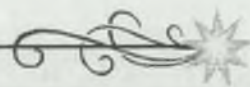
Асе

Надо ж было так глупо расстаться,
Не обмолвиться, не повидаться,
Не сказав основного друг другу –
Все закончилось замкнутым кругом.
А надежда была долговерной,
Но тупой и ненужной, наверно,
А по сердцу хлестала упруго
Плетью грусть – безнадежная вьюга.
Я запутался в чувствах и мыслях.
Все не вовремя. Эра бессилья.
Я устал от насмешек и прений,
От бессмысленных, тяжких гонений.
Часто близких людей мы теряем,
Не хороним, так в путь провожаем.
Ты уехала. Кто-то остался...
Надо ж было так глупо расстаться...

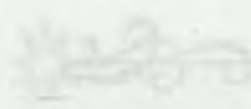
Розы на столе

Сухие розы на столе
Стоят уже полгода где-то:
Одна – в закатном хрустале,
Другая в лунный свет одета.
Та, что красна, слегка крупней,
Другая будто бы склонилась
На плечи и на спину ей,
И за нее своей укрылась.
Засохли обе – потому
Обоим не познать уж плена.
А вдохновенному уму
Опять на ум идут сравненья.
Вот мы с тобой. Ты как заря.
Я на коленях умоляю
О благосклонности тебя,
Но обернуться даже, знаю,
Не хочешь ты. Вот сердца два:
Твое – великое, большое.
Мое лучом едва-едва
Из тьмы выхватывать лишь может
Одну тебя. Но все ж его
Мучение настолько гложет!
Оно способно на одно:
Принадлежать тебе лишь может.
Сравненье глупо, может быть.
Тебя ж нельзя мне не любить.

*Незнакомке,
читающей эти стихи*

Перелистай сии листы
Своими нежными перстами –
И, может, убедишься ты,
Что все здесь о тебе; мечтами
О встрече с близкой мне судьбой
Наполнены все эти строки.
Здесь дышит все одной тобой;
Здесь профиль твой чертили боги;
Здесь всюду – след твоей ноги
И взор двух сумрачных каратов.
Пусть есть стихи не о любви,
Здесь – ярость грозových раскатов,
Раскатов страсти огневой.
Здесь извергаются вулканы,
Здесь, в жуткой тишине ночной,
Белеют под луной поляны.
Здесь ураганы и дожди
Сулят однажды зной беспечный.
В горах здесь эхо «Подожди, –
Мне шепчет, – ждать тебе не вечно».
И это – мой душевный мир,
Ночной, безмерный и опасный.
Он ждет тебя на страстный пир –
Приди же, забери и властвуй!
В пещерах, в царстве темноты,
Здесь прячут золото драконы,
Вздыхая о лучах мечты:
Ведь мы покуда незнакомы.
Но поступь дивная твоя
Весною здесь прорвется вскоре.
Я жду. я верю: ты моя,
Ты мне назначена судьбою.

The Swan Song

by [illegible]

[Faint, mirrored text from the reverse side of the page is visible through the paper, appearing as bleed-through.]

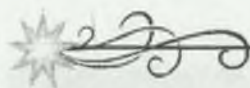
The Swan Song
 by [illegible]

Шекспир

В который раз читаю пьесу «Гамлет»,
В который раз охватывает дрожь.
В окошко часто мне стучится дождь.
Чай. Сигарета. Летний вечер гаснет.
Как хорошо, что в мире был Шекспир,
Как хорошо, что был театр «Глобус».
Раздался смех, и прошуршал автобус.
Но я теперь не вижу целый мир.
Что мир, когда в который раз подряд
Оскорблена честь датских королей?
И принц бросает вызов, чтобы ей
Вернуться вновь. Пусть трупов целый ряд,
Пусть и любовь отвергнута, ему
Придется отомстить за смерть отца.
Печать безумия пусть не сойдет с лица,
Но он вернет корону и страну.
Он все вернет – и тут же сам погибнет.
Как хорошо, что был Шекспир на свете!
Открою вскоре вновь страницы эти –
И Гамлет оживет, а мир весь сгинет!

Гамлет, принц штатский

Встаю в семь часов. Чуть глаза продираю,
Бегу на работу. Весь день размышляю.
Так быть иль не быть? Как дожить до обеда?
А после обеда – быть стоит. Победа.
Спецовка камзол заменяет красивый,
Пропахшая потом, мазутом, бензином.
Домой приползаю усталый, разбитый,
Во влаге живительной душа омытый.

Под вечер спешу я в вечернюю школу.
И думаю, думаю, думаю много.
Работа. Учеба. Две библиотеки.
Любимая. Храм. Заседанье раз в месяц –
Когда все успеешь? Жизнь быстро проходит.
Устанешь – и кажется: быть уж не стоит.
Офелии в трубке услышу лишь голос,
И думаю: может быть, все-таки стоит?
На полке молитвенник рядом с Шекспиром.
А в книге той – горе и радости мира.
Ночь, сон, небосвод, звезды из перламутра.
И снова – раздумья. До нового утра.

«Зима» Вивальди

Какой неумирающий мотив!
Какое дарит он душе веселье!
И свежих сил волнующий прилив,
И радость слез, не знаемых доселе.
Воображенье вновь рисует снег,
И Новый год, и свет огней лучистый;
Вот над дворцом взлетает фейерверк,
Рассыпав по сугробам свои искры.
Но вслушайся: подтекст ужасен. Стой!
Твой ясный взор подернут пеленою!
Ты знаешь: все вокруг мертво зимой,
И музыка становится иною...

Бетховен

Когда мне вновь откажут, я приду
И музыку включу погромче в доме,
Растаю в пьяно-горечном бреду.
Играй сильнее, страдай со мной, Бетховен!
Вот, хочешь водки? Впрочем, ты глухой.
И к лучшему: моих не слушай басен.
Молчит лишь камень, твердый и сухой,
Но, может быть, речами он опасен?..
Грустить, грустить, грустить! Их было три,
В которых ум слился с той красотой,
Что ярче и таинственней зари;
Я безнадежно их любил. Не скрою,
Что увлекался очень много раз,
Считая за любовь лишь их отличие
От брата нашего. Но наступил тот час –
И возвращаюсь без трудов приличья,
Но эти три! Когда б ты их видал,
Ты мир потряс не «Лунною сонатой»,
А более б великим потрясал,
Сводил с ума, искоренял развраты.
Не обращай внимания, мой друг:
Одна из них вчера мне просто снилась.
И вдруг всплыло все то, что недосуг,
Вдруг ожило, заныло, закружилось...
Когда мне вновь откажут, я приду
И музыку включу погромче в доме.
И призову тогда себя к суду.
Играй сильнее, суди меня, Бетховен!

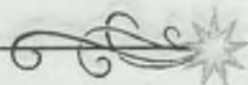

«Лунная соната»

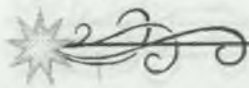
Беснуясь, разрывает плоть душа,
Не выдержав гармонии и чувства.
То сердце вырывается, спеша,
То кажется ничтожным все искусство.
То хочется от злости волком выть,
То захлебнешься в волнах океана,
И хочется по ним куда-то плыть,
Чтоб убежать от этого обмана,
То вдруг боишься завтра стать глухим
И больше это в жизни не услышать,
То умираешь, чтоб уйти за ним,
Но вместе с тем лишь учащенной дышишь.
То видишь вдруг себя в иных мирах,
Ужасно-дивных, нет из них возврата.
То, наконец, утихнет боль в слезах.
Все это – его «Лунная соната».

Достоевский

Господин Достоевский
Сочинял при свечах.
Тишина занавеской
Колыхалась в очах.
Боль и ненависть к «бесам»
Разлила седину...
Господин Достоевский
Все глядел на луну.
Холод бродит в затылке,
Как удар топором.
Слышно даже, как в ссылке
Простонал Родион...
Очень тихо, чуть слышно...
Или ветер подул?

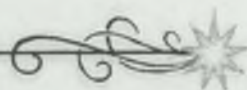

Каракозов иль Мышкин
Из-за шкафа взглянул?
Глаз чуть дернулся кверху,
Так всплеснул ночи гладь.
Как-то тихо, наверно,
Льются мысли в тетрадь.
Тик встряхнул его снова,
Как удар топором.
Позади – жизнь в оковах,
Позади – Мертвый Дом.
Позади – грязь и лужи,
С ними – дочери смерть.
Или может быть хуже?
Что же будет теперь?
Вряд ли хуже – и с новой
Силой строки вились,
Ни на что не похожи,
В ночь – и в темную жизнь.
В грязь и кровь мироздания –
Налицо кровь и грязь.
До потери сознания
С Богом сладкая связь!
Темнота яркой фреской
Заиграла в очах.
Господин Достоевский
Сочинял при свечах.

Э. Рагзинскому

На сцене – и тиранов, и героев,
И многих дам ушедший маскарад
Судьбы круговращающей игрою
Воскресший ненадолго, как расклад
Пасьянса... Из глубин холодной Леты
Их вычерпал историк наш один,
Интеллигентный, хорошо одетый,
С своеобразным говором своим.
Несильный с виду, он тяжелый камень,
На истине лежащий, отвалил
И выпустил на свет такие тайны,
Которые весь мир захоронил.
Раскрыл давно не читанную книгу,
Дыхания прервал на быстрый час:
Ведь не закон – великая Интрига
Решает ход истории подчас.
Как будто с теми лицами общенье
Реально открывало все ему,
И замелькали призрачные тени,
Глядя со скорбью слезной в нашу тьму.
Вот были времена! Как в них любили,
Как умирали, верою горя!
Страдали как и честь свою хранили,
Как жизни отдавали за царя!
Теперь не то... и быстро обессилел,
Хоть лишь начался, двадцать первый век.
Но, хоть на час, таинственным усиьем
В былое нас вернул сей человек.
Экран погас, сверкнув звездой синей,
Но стоны и плачи слышны, как въявь.
То бродит здесь История России,
На срок короткий петлю с шеи сняв.

Кавказский пленник

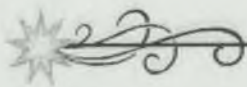
Памяти Сергея Бодрова

Кавказский пленник... разве так бывает?
Не верю! Замечательный артист
Вживую погребен. Снег не растает,
Не выйдет никогда Сергей на бис.
Ну, что же... Знать, Последнего героя
Судьба земная не достойна. Впредь
Ролей не будет... роль одна – порою
Родиться надо, чтобы умереть.
Какой был взгляд! Лишь гений так намажет
В портрете. Сердце бьется невпопад.
Нет! Он войдет во все дома и скажет:
«В чем сила, брат?»

Подражания

Блоку

Когда в листве, сырой и ржавой,
Рубина заалеет гроздь,
Когда забьет палач усталый
В мою ладонь последний гвоздь,
В бреду предсмертном, в жалких бреднях
Я память переворошу
И в изрыданиях последних
Воды чуть слышно попрошу...
Ах, как зарыться бы губами
В сырую желтую листву!
Ах, как распять бы по поляне
Себя, не подходя к кресту!
Мечты осыпались в боязни:
О, сколько ни прошло бы лет,
Я не достоин этой казни.
Мои страданья – жалкий бред.

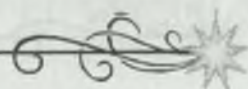

Лермонтову

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман далекий путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу
И неслышно с Богом говорит.
В небесах торжественно и мрачно,
Спит Земля в сиянье голубом.
Вот и мне на сердце так невзрачно,
Не пойму: жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.
Не познать мне на земле покоя,
Не познать мне бренной жизни суть.
Потому хочу заснуть навеки
Не могильным сном, а видеть сны.
Тяжесть не спускается на веки,
Свежесть ночи лишь яснит умы.
Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман далекий путь блестит.
Путь далек, а значит, слава Богу,
Каждого однажды утомит.

Есенину

Ветер-схимник шарит по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.
Там, где слышен лязг ее подков,
Убирает роща свой покров.
Божий странник шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И, срывая ягоды с куста,
Славит вечно щедрого Христа.

Пушкину

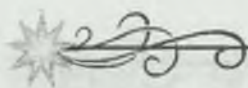
Сижу за решеткой в темнице глухой.
Закатный луч солнца по стенке сухой
Ползет, озаряя всю комнату днем
Таинственно-мрачным, усталым огнем.
Он видит, он шепчет, он мне говорит:
«К свободе тебе путь навеки закрыт,
И ты за решеткой погибнешь, как я,
И луч – мой потомок – осветит тебя».

Мандельштаму

Бессонница. Шекспир. Глухие голоса
Из замковых темнейших подземелий.
Скупое эхо страждущих веселий,
Но глаз эпохи к солнцу поднялся,
Высвечивая темные углы:
Кровь на руках ужаснейших тиранов,
Личину скорби над толпой обманов,
Надменные сердца, что к чувствам злы.
Но есть и мир, что движется любовью,
Что продирает терн причин пустых.
Закрыта книга, но мудрейший стих
Шекспира не идет от изголовья.

«Щелкунчик» Гофмана

Обиженное существо,
Игрушка, чтоб колоть орехи.
Свершилось злое колдовство;
Сверкают звезды, как прорехи,
В рождественскую эту ночь,
Порою падая на кровлю.
Увы, ничем нельзя помочь,
Как только искренней любовью.
Уж лучше б совершили казнь,
Собравшись всей мышиною ротой:
Ты вызываешь неприязнь,
Увы, мой немец большеротый.
Но выжди, выжди эту роль!
Ужасная личина треснет,
И будет побежден Король,
И злое колдовство исчезнет.

Эпоха Возрождения

Глазами романтика

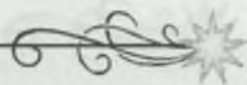
Эпоха солнечного бунта!
Гармония небесных сфер!
Тебя предчувствовали смутно
Овидий, Данте и Гомер.
Парить в возвышенном полете –
О долгожданная пора!
Да Винчи и Буанаротти –
Твои святые мастера.
Тебя нектарной сладкой влагой
Поэзии поил Шекспир.
О Ренессанс! С какой отвагой
Ты изменил наш серый мир!

Глазами схоласта

О человек, мешок с костями!
За что так возвышать тебя
С твоими грешными страстями?
Забыл ты Бога, прах любя.
И это ты зовешь искусством
И долгожданною порой?
Звериное, слепое чувство!
И в центре – орган половой.

Глазами историка

Элады древней возрожденья!
Вернулись к нам ее творцы,
Ее великие творенья –
Картины, статуи, дворцы.
Вернули боги озаренье!
В Шекспире вдруг Орфей воскрес,
И мощной силой вдохновенья
Жив в Рафаэле Геркулес.

Глазами ценителя

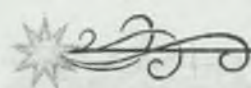
Все гладко, ровно, симметрично,
Сквозит минувшего скелет,
Хоть дышат ровно, необычно
Художник, скульптор и поэт.
О да, мы грубость победили,
Но есть ли прок от новизны?
Пускай все прошлое – в могиле;
Не чую веянья весны.

Глазами философа

Как новый Аристотель, славлю
Глубокий, просвещенный век
И снова в центр Вселенной ставлю
Тебя, разумный человек!

Глазами дьявола

Моя иль не моя работа?
Кто вдохновенье дарит им?
Стремлюсь разнюхать – вновь забота:
Щекочет ноздри странный дым,
Смешенье ладана и серы...
В культуре – новая струя,
Религию меняют смело...
Работа, стало быть, моя!

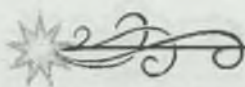

Девятнадцатый век

Я живу в девятнадцатом веке,
Где изящества и чистоты
Много больше в любом человеке;
Где стремленье достичь красоты
Не считается пошлым стремленьем;
Где своей не стыдятся сумы;
Где не тронуты грязным растленьем
Молодые, златые умы;
Где колеса карет и копыта
Сердцу такт помогают найти;
Где еще слово «честь» не забыто,
Где дворянство покуда в чести;
Где из кружева архитектура,
Где в течение сотни лишь лет
Зарождается литература –
И сегодня подобных ей нет;
Где царят Достоевский и Пушкин,
Где Чайковский терзает сердца,
Красят золотом храмов макушки,
Чтут закон Пресвятого Творца;
Где балет мировое господство
Приобрел, не имея цены;
Где дуэлей растет благородство,
А не бьют в темноте со спины;
Где блистают балы фейерверком,
Где трепещет романс, чуть дыша;
Где по всем существующим меркам
Неизмерна народа душа.
Только годы текут, словно реки.
Наше время – как плеть по телам.
Я живу в девятнадцатом веке.
Мне гораздо надежнее там.

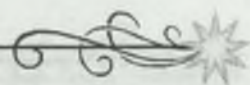
Город без роз

Плох город, где на улицах нет роз:
Он серый и угрюмый, как с похмелья,
Там ничего не делают всерьез,
Но также мало поводов к веселью.
Там некуда усталый кинуть взгляд,
Он тяготит своим однообразием,
И не удастся выйти наугад,
Чтоб не столкнуться вновь с привычной грязью.
Он страшен, как угрюмый водоем;
Как реквием, рвет душу все упорней,
Ничуть не удивительно, что в нем
Не каждый избежал бы преисподней.
Он наступает, хмурый легион,
Теснит дыханье только что вошедшим.
Его глухой, единственный закон
Дает свободу только сумасшедшим.
Сгорая в сером пепле каждый день,
Он снова, будто феникс, воскресает
И расстилает вновь повсюду тень
Для всех, кто между молний не летает,
Кто в воздухе ни разу не нырял
И кто не целовал небесной тверди.
Там в трауре проходит карнавал
И там нельзя не думать лишь о смерти.
Без ампула бездарнейший актер,
Как смеха он не знает, так и слез.
Бессмысленно занявший свой простор
Плох город, где на улицах нет роз.

Вид на Качканар от телевышки

Гремел орган, и мощный перелив
Застыл здесь городской архитектурой.
Еще окован льдом седым залив,
Над ним – гора размытою фигурой,
Вся синяя; и линией сплошной
Изгибы от вершины убегают.
Рисунок, чистой детскою рукой
Исполненный, сей вид напоминает.
На белый лист разлита акварель
Трех-четырёх цветов. Умелой кистью
Ей обозначил контуры апрель,
А май закрасит снег, добавит листья.
Налево ровной шахматной доской
Разложены садовые участки.
Карьер – направо. Кверху, на покой,
Бегут его ступени в беспорядке,
Как на Парнас, на пирамиду, на
Вершину славы – шаткую опору.
Но мысли вновь подобные весна
Мне навевают что-то уж не впору.
В домах же бело-серых, тут и там
Раскинувшихся, множество окошек.
И столько ж разных судеб, грез и тайн,
Что замысел Творца на землю крошит.
И эти окна, эта жизнь людей,
Моих сограждан, этот список длинный,
Разнообразие смыслов и ролей –
Пожалуй, главный замысел картины.

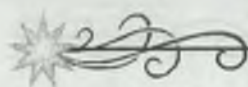
Кунсткамера

Кунсткамера торжественно въезжает
В наш город – и глазам предоставляет
Все совершенство мрачное уродства.
Умы настигло зрелища господство,
Спешат увидеть за любую плату,
Бегут в музей, как в царскую палату,
Чтоб выйти и сказать: «Ну, слава Богу,
Я не таков – и счастлив, хоть немного».
Помилуйте: да надо ли бежать,
Себя проклятьем чьим-то устрашать,
Когда бесплатно, каждый день, так просто
Лишь выглянешь в окно – кругом уродство?

Умирает тайга

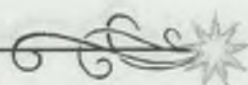
(Качканарский ГОК)

Вверх нацелив, в цветущее небо,
Своих зданий и труб изваянья,
На ладони их держит, и место
Здесь осталось еще – к подаянью.
Умирает тайга под напором,
Нищий Крез душит дланью убогой,
Давит шламом, жестокий, и горло
Перерезал железной дорогой.
Черно-серые чаши карьеров
Из природы сосут кровь и силу.
Адской троицей новую веру
Проповедую в скалах России.
И дерутся рабы предрассудков
За усталого зверя-титана,
И работают круглые сутки
На него все пещерные кланы.
Только ночью в огнях семафоров
На железной дороге вагон
Заскрипит вдруг протяжно – он словно
Тихо плачет о чем-то своем.

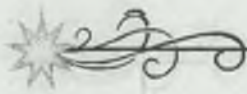
Серый пес

Этот злой серый пес на камнях здесь разлегся,
Он зевает по ветру, скрывая свой сон.
Но я знаю, что он еще только проснется,
Он лишь делает вид, будто бодрствует он.
Как бродяга-герой, ободрался снаружи,
Да и сердце по венам не двигает кровь,
Потому что ему нужны светлые души,
Потому что уснул и забыл про любовь.
И на севере здесь нет фруктовых деревьев,
Но вот пес – неразумный, но все-таки знал,
Что не знала б Земля своего тяготенья,
Если б яблони вовсе никто не сажал.
Но не ведал никто, что в мозгу этой твари,
Что он делает завтра, а что – навсегда.
Потому что вокруг каждой твари по паре,
А ему не доставили даже самца.
И в глазах – то тоска, то желание выпить,
Только где ж ему водки собачьей достать?
А с похмелья, к тому же, бывает он диким,
Может хоть полстраны ни за что растерзать.
И на севере нашем нет снов, как ни странно.
Только пес, хоть и глупый, но все-таки знал,
Что без снов мир не знал бы состава металлов,
А без знаний тех люд как руду б добывал?
Эх ты, злой серый пес, ты зачем здесь разлегся?
Ты зачем здесь уснул, ты зачем столько знал?
Я уже сомневаюсь, что он вдруг – да проснется,
Этот пес, тихий, серый – гора Качканар.

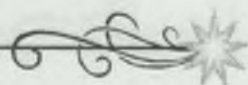

Кентавр

Гуляю ночью по Свердлова.
Все окна и двери молчат.
Вдруг слышу: будто бы подковы
Совсем недалеко стучат.
Оглядываюсь: что такое?
Дыханье извергает пар.
Непроизвольный жест рукою...
Из-за угла идет кентавр.
Густая борода, как грива,
И волосы до самых плеч.
Бывало в жизни много дива,
Но не было подобных встреч.
Вихляя лошадиным телом,
Подходит, пристально глядит
И, как бы даже между делом,
Окинув взглядом, говорит:
– Что, брат, уставился? Иль, может,
Кентаврам ход здесь запрещен?
Да сделай ты попроще рожу!
Да что ты, право, удивлен?
Ох, люди! То, что вам привычно –
Дороже. Если хоть едва
Для глаза что-то необычно,
То вмиг теряются слова –
Одно хрипение, как в драме;
Зрачки вылазят из орбит,
Сознание теряют дамы.
Да ты-то, парень, не убит?
– Признаться, все же как-то в диво
В цивилизации, вот так...
А, впрочем, может быть, по пиву?
Он улыбается:
– Чудак!
В таком вот виде – и в пивную?
Пройдемся просто вон туда,
Вперед, на клумбу площадную,
А можно даже до пруда...

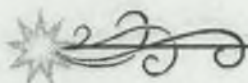

И прямо по проезжей части
Идем в густую темноту.
Копыта мнут остатки счастья –
Уже опавшую листву.
И хоть бы кто-нибудь увидел!
Назло повсюду – ни души.
Весь город сон десятый видел;
Ведь не поверят! Расскажи,
Как было, все-все будет тайной.
Скамейки, лестницы пусты.
И только пьяница случайный
Кентавру вслед кладет кресты.
Так до утра мы проходили.
С лучом рассвета он исчез –
Махнув хвостом, рукой и гривой,
Пошел за город, в хвойный лес.
Закуривая сигарету
В свалившейся вдруг пустоте,
Я долго слышал, будто где-то
Шуршат копыта по листве.

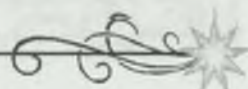
Ода картофелю

Немецкий плод, что завезен Петром
На земли плодородные России,
Порой ты заменяешь хлеб; притом
Тебя на репу горькую сменили.
Обжаренный в печенке и грибах,
Отваренный до ладанного пара,
Ты самый первый на любых пирах,
От деревенских изб до пышных залов.
Усталый путник разведет огонь,
В дыму пейзаж качается и тает.
Он голоден; костер горит; потом
Что в угли он горячие кидает?
Очистивши картофель, кожуру
Кидаем свиньям, чтоб не пропадала.
Довольные судьбой, они жуют,
И в эту зиму будет много сала.
К тому ж картофель почва родила,
И всяк христианин не будет грешным,
Коль станет в пост употреблять тебя;
И ждет нас место в Царствии Небесном.
Потом – взгляните: или хуже роз
На стеблях бело-синие цветочки?
Ну роз – не роз... но красивей мимоз
На грядке украшения – и точка!
Ну, словом, славим золотистый плод!
Что толку нам в икре иль в ананасе,
Когда по всей стране давно растет
Дешевое питательное счастье!

Безработный

Нехватка денег даже у рабочих.
А нам-то, безработным, каково?
Хоть многое свершается для прочих –
Сегодня государство не право.
Я, впрочем, обитаю не в подвале,
Одет и сыт, под одеялом сплю.
Иные за такое бы отдали
И должность, и профессию свою.
С утра вставать не надо; как в могиле,
Лежи и спи; пусть солнце высоко.
Вот если деньги бы еще платили,
Тогда и вовсе было б ничего.
Помыть полы, пропылесосить коврик
И размышлять весь день – сперва о том,
Не потому ли беден бедный Йорик.
Что был при жизни жалким он шутом;
Затем – об устройении Вселенной
И долго ль будет рядом неудач
Терзать судьба – ведь ей смешно, наверно.
Так не смеялся ни один палач
Над жертвою своей. А, впрочем, что там...
Бывало хуже у других людей.
Не редкость стать сегодня безработным,
Самим собой остаться тяжелей.

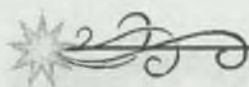

Же пришел из боя

Пал Гудермес, как Троя.
Кто-то живым остался,
Кто-то слегка сломался.
Я не пришел из боя.
Выпьем за павших стоя,
Выпьем за ту победу.
Мне на край рюмки хлеба:
Я не пришел из боя.
Мама, не плачь. Не стоит.
Пусть этот гроб забили,
Пусть я уже в могиле;
Я не пришел из боя.
Я – за твоей спиною,
Там, под землей, привычный,
Но ко всему безразличный
Сын. Ну а я – с тобою.

После Чечни

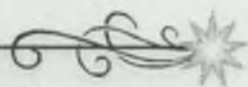
Он шел тогда по городу домой.
Осталась в снах кровавая Чечня,
А в небе, разрезая мрак ночной,
Чертили звезды график бытия.
А во дворе за столиком сидели
Три мужичка – дворовый нищий клан.
Они его окликнули, призрели
И водки наплескали аж стакан.
И вот солдат оттаял от дороги,
Все принялось перед глазами плыть,
Прочь убрались бездонные тревоги,
Он начал про войну им говорить:
– Вот так и так... А я же православный!
Их бьешь, скотов, и даже жалко вдруг...
А упадет негаданно-нежданно
Перед тобой на землю старый друг –
И думаешь: «Будь я на этом месте...»
И страх вслепую давит на курки.

Стрельба и крики – все сольется вместе,
И в этом шуме плавятся мозги...
Три мужичка молчали да кивали,
Все меньше веря истинным речам,
Они лишь пили все да подливали,
Никак рука не ставила стакан.
У них глаза в тумане от запоя,
Или неяркий свет от фонарей –
Никто не разглядел в его ладонях
Сквозных засохших ран от двух гвоздей.

У вечного огня

В одном уральском городке
Стоит мемориал.
На выдолбленной той скале
Историк начертил
Героев павших имена
И перечень заслуг...
Однажды там я увидал
Компанию пьянчуг.
И все бы ничего, и пусть
Помянут – им с руки.
Но что-то охватила грусть:
Там были шашлыки.
Не просто так, а на огне,
Что не погаснет ввек.
Иль памяти уж нет в тебе,
Российский человек?
Какого дьявола пришел
Ты к этому огню?
Другого места не нашел?
Я что-то не пойму.
И крики слышались, и боль
От жаркого свинца.
Не шашлыки вертел огонь,
А каждого бойца...
И мне налили... В этом зле
Я выпить не хотел.
В пролитом кетчупе везде
Я кровь убитых зрел.

Безбожье

Кругом царит безбожье, равнодушие,
Наш мир – как заросший травой газон.
Когда ж человек вдруг становится лучше?
Когда инвалидом становится он.
Тогда представляет всю жизнь он игрою,
В которой навек он уже проиграл..
Все козыри биты... но над головою
Есть Бог, почему же он раньше не знал?

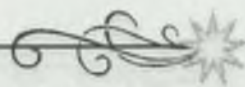
Чадо сатаны

Русские церковей колокола
Музыкой попсовой заглушили,
В ритмах извиваются тела
В адских вожделениях мышинных.
Телевизор – чадо сатаны,
Проповедник наркоты, убийства.
Гении компьютерной игры
Впитывают в слабый мозг насилие,
Впитывают шепот беса, текст
Огненных скрижалей, смерть и тленье...
Не увидит поколение Next
Продолженье рода и Спасенье.

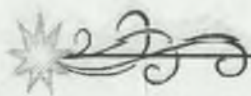
Художества на стене

Взгляни: подросток на стене
Рисует прыскателем-краской,
Оглядывается с опаской –
Побелка в красочной волне.
Рисует орган половой
И, чтоб не приняли за нечто,
Подписывает скоротечно,
Весьма довольный сам собой.
Скажи, прыщавый отрок, мне:
Что значит это изваянье?
Протест? Сомнения? Страданье?
Зачем три буквы на стене?
Что это? Может, из души
Художество наружу рвется?
Боишься, что талант загнется
В провинции, в немой глуши?
А может, юный гений, ты
Мечтаешь о таком же точно?
И, в творчестве хотя бы, прочно
Ты воплотил свои мечты?
Или подобного желает
То место, на котором всяк
Сидит? И женщина – твой враг?
И лишь с мужчинами бывает
Чудесно, хорошо и дивно?
Ты видел это в сладком сне
И воскресаешь на стене?
Скажи мне, друг любви пассивной.
До визга сердце рвет твое
Сей подвиг; сладко ощущение?
Ты ждешь уже, как на мгновенье
Прохожий глянет и поймет,
Что нет преграды вдохновенью?

Просыпайся!

Кто-то пьет, кто-то курит,
Кто-то колет наркотик.
Все они себя не жалеют
Нисколько.
Я ж люблю
Лишь вот это на свете:
Одиночество, волю,
Холодный ветер.
Я стою на горе,
Вольный, как птица.
Дует ветер в лицо,
Но не страшно разбиться.
Наркоманам всего лишь
Нужна анаша.
Это – просто придурки,
Но у них есть душа.
Хорошо б эту душу
Получше встряхнуть,
Чтоб поверить, понять ей,
Забуть – и уснуть.
А потом – просыпайся!
Пойдем мы с тобой
На вершину горы –
Обретешь ты покой.
Пусть порывами ветер
Хлещет в лицо.
Ты мне только признайся,
Что тебе хорошо.

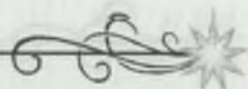

Опомнись!

Ты брал свою острую бритву,
Врезал ее в белое горло.
Ты ел очень много таблеток
В надежде уйти надолго.
Ты пил, словно воду, уксус,
Затягивал петлю на шее.
В прозрачной воде холодной
Ты резал темные вены...
Но выжил...
Господь говорил же:
«Опомнись!
Проблемы умчатся. Ну же!»
Выходит, на этом свете
Кому-то ты еще нужен.

Дева

Иконописный лик луны
В окне за шторой.
Она роняет с глубины
Печальны взоры.
И слезы капают дождем,
С небес льют воды
И увлажняют чернозем,
Чтоб были всходы.
О чем рыдает в темноте
Луна так страшно?
Да о девичьей чистоте,
В ту ночь пропавшей.
Короткий театральный миг,
Слепое действие.
Забыла дева : «Не твори
Прелюбодейство».

Прошел лишь месяц. Вновь луна
Средь ночи плачет.

Вновь торжествует Сатана
Над девой падшей.

О чем рыдает в высоте?

Кто – слезам в помощь?

О неродившемся дите,

Убитом в полночь,

О ненаписанных стихах,

Любви и муке,

О нераскрытых чудесах

Большой науки.

Еще один короткий миг,

Глухая лира.

Забыла дева: «Не убий».

Она забыла.

Прошли года. Луна опять

Льет дождь над миром.

Несостоявшуюся мать

Машина сбила.

И льет, и каплет, и стремится

На землю воды.

Душа порочная стоит

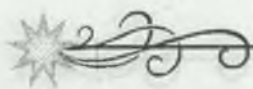
Уже пред Богом.

Короткий, самый страшный миг.

За смертью – тайна.

Забыла дева: «Не умри

Без покаянья».

Собачья свадьба

Когда уж снег ложится до весны,
И все во сне ноябрьском замерзает,
И здесь приметы тоже есть свои –
Так, свадьбы все собаки отмечают.
Я знаю: это мерзко, это жуть,
Когда они, как будто в вероломстве,
Тупые твари, гадят там и тут,
Без скромности заботясь о потомстве.
Но людям дай свободу – и тогда
Словцо «культура» канет в неизвестность.
Забыты будут верность, чистота,
Сама любовь и наша человечность.
И, несмотря на холод и пургу,
Анархии почуяв власть незрячей
Я в эту ночь лишь на ночь убегу
На гадкой свадьбе погулять собачьей.
Я убегу – мне будет все равно,
Сегодня я сродни с клыкастой стаей.
С той разницей, что буду пить вино.
А им ночного воздуха хватает.
Вокруг меня усядутся они,
А рядом, по бокам, жених с невестой.
И буду я читать свои стихи.
Потом мы на луну завоем вместе.
Луна висит, ничтожна и тускла,
Скривила рот в фальшивом безразличье .
Я проведу несправедный досуг
До самого предутреннего часа.
Я буду лаять, буду нюхать сук,
Одна из них, вон черного окраса,
С тоской мне бросит взгляд – как водоем
(Я у собак и глаз таких не видел!).
Но я скажу: «Прости, ведь я влюблен
И предан, словно пес... прости – обидел...»

О невозвратном

Печально я гляжу
На наше поколенье...

Лермонтов

Зачем ушли вы, прошлые века?
Где чистота, где святость, непорочность?
Хоть каждая и каждый мнит себя
Героем мелодрамы – чувств непрочность
Царит везде... Знакомы-то едва,
А выкинут любовь невесть какую.
Достанутся и слезы. Суета.
Любовь исчезла! Все пишу, тоскую.
Джюльетты-современницы давно
Всем отдаются в пьянке без разбора.
Ромео наплевать – уже его
Друзья ласкают... мужеского пола.
Офелии не топятся в реке,
Садятся на иглу и курят травку.
Антонии влекутся лишь к себе,
Забывши в этой грязи Клеопатру.
Отелло не ревнуют Дездемон,
С измен супруг доход они имеют.,
А Лиры, старые развратники притом,
Перед своими дочерями млеют.
Жестоко не перо мое, о нет!
Оно оправдано перед жестокой лирой.
Одно осталось в суете сует:
О невозвратном плакать над Шекспиром.

Маньяк

Когда луна сегодняшней ночью
Посеребрит верхи деревьев, гор,
Я выйду в город, а за пояс прочно
Заткну большой заостренный топор.
Пусть не везде, пусть не на всей планете,
А в городе моем, и то не сразу,
Я выведу, как опытный генетик,
Философов божественную расу.

Аквариум

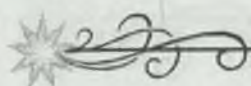
На дне – камней, ракушек слитки,
Колонны водорослей в ряд,
И пестрые повсюду рыбки
Как будто в воздухе парят.
Нырнут туда-сюда, закружат,
Как звезды в небе, хоровод.
О деньгах никогда не тужат,
Болезнь их тоже обойдет.
В семейной жизни все счастливы,
Икринки бережно хранят
Самцы, строги и горделивы:
Их жены завсегда молчат.
На стеклах черные улитки
Упорно слизывают грязь.
Они – рабы, монахи; рыбки
Слегка над ними держат власть.
Кругом – блаженная неспешность,
Кругом – согласие и покой,
Эдемская царит здесь вечность,
В уютном мире под водой.
Так было, может, в Древнем Риме,
Пока история во прах
Его не стерла; в Атлантиде
Или в индейских племенах.

Так было на Земле, покуда
Земля была в сплошной воде.
Аквариум – планета; чуда
Такого больше нет нигде.
Так было на Земле, покуда
Не прекратил гармоний век
Природы пасынок, Иуда,
Не зверь, не рыба – человек.

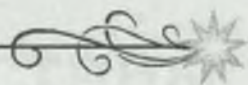
Мой народ

Я – вольнодумец. В наши дни
Все вольнодумцы, впрочем.
Клянут социализм они,
Царя жалеют очень.
Разрешено критиковать,
Отбросив осторожность,
Напрягшись очень, все кричат,
Не упустив возможность.
Но дай им прежние года,
Социализм проклятый –
И снова побегут туда,
Забыв словесны траты.
Они разрушат алтари
И скажут: царь – убийца!
И вместо Господа они
Вновь Ленину молиться
Начнут...И каждый новый род,
И много поколений.
Ты слишком быстро, мой народ,
Меняешь убежденья.

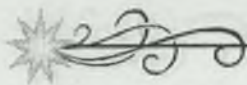
В столярной мастерской

Визжит циркулярка, и звук монотонный
Безумной сонатой взрезает округу.
И зубы ее – это зубы дракона.
И круг ее мчится по верному кругу.
Упрямое дерево пилится ровно,
И стружка летит золотым листопадом.
А если б не доски, а люди – бесспорно,
Была б мастерская не цехом, а адом.
Визжит циркулярка; здесь дышится краской
И пылью с густым сигаретным туманом.
И слышатся в визге ужасные сказки,
Но сказки всегда отличались обманом.
Пусть день бесконечен – заняться всем есть чем,
Здесь каждый играет какую-то роль.
И каждый стремится шагнуть в темный вечер,
Когда затуманит мозги алкоголь...
Как часто здесь делают новые двери,
Чтоб люди закрылись, храня свои тайны...
А двери – вчерашние старые ели,
О как они были пред смертью печальны!
И режет пила древесину, как кожу,
Какой ни казалась бы крепкою палка.
А если б не доски, а люди... О Боже!
Визжит и визжит, и визжит циркулярка...

Храм

Смотрю в окно, как строят новый храм,
Хотя пока еще не начинали;
Покуда лишь нагроможденье там –
Ненужное встает перед глазами.
Но это – только времени вопрос.
Терпение – вот движущая сила.
Не сразу город наш, допустим, рос,
Вселенная сама себя родила...
Как солнце, заблещают купола,
На миг непосвященных ослепляя,
И вступят в разговор колокола,
О празднике иль смерти возвещая.
И будет зал обширный собирать
Молящихся толпу, и к сводам храма
Молитва будет разом улетать
Из всех голов, очистив их от хлама.
Высокий белокаменный собор
Украсят изнутри святые лики,
И будет громогласный стройный хор
Удел тернистый прославлять великий.
Смотрю в окно: построят ли когда?
Стоять ли будет – долго, без изъяну?
Воздвигнут храм однажды навсегда
Иль на потеху новому тирану?

Спящая красавица

Спит, утратив прежний вид здоровый,
Спит уже который долгий год,
Спит, забывши прежнюю веселость,
И впадает то в озноб, то в пот.
Хитрого коварства не узнавши,
Уколовшись о веретено,
Спит она, как будто лишь уставши,
Но во сне и ей не все равно,
Упадет иль нет с нее проклятье,
Сбудутся ль пророчество, мечта –
Встать, слегка зевнуть, поправить платье,
В бодрости покой свой обрета...
Он придет, давно в тебя влюбленный,
В поцелуе сцепятся уста –
И настанет твой покой бессонный,
И проснешься ты, моя страна!

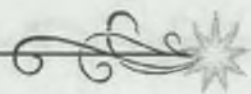
Колода бытия

Тасуется колода бытия,
Причудливо тасуется погода:
Грозит ли смертью мертвая природа,
Рай обещает скорбная стезя.
Всех легче – неба облачная твердь,
Гармония – уродства атрибут,
Дороги все обратно приведут,
Рождение благословит на смерть
Паденье трона даст иную власть,
Анархией правит безуправство,
Путем растрат даст нищету богатству,
Пусть чище слез любовь – влечет лишь страсть.
Из горьких трав был выжат сладкий мед,
Закат – лишь повод к новому рассвету,
Зима – предтеча солнечного света,
К выздоровленью кровь из ран течет.
Тасуется колода бытия.
Загадочно, таинственно и строго
Все возвратится на круги своя...
Все в свой черед родится и умрет.
На полотне зеленом при свечах
Любой игрок потерпит полный крах,
И только гений козырь смерти бьет.

Мысли

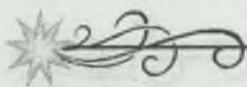
Порою мысль, как червь, мой череп точит:
Кому нужны бездарные стихи?
Быть может, зря, лишь только дело к ночи,
Поэзией я заменяю сны?
И пусть огромным валом вдохновенья
Меня убьет полночная пора:
Есть «Гамлет», «Фауст» – высшие творенья.
Чего ж я выжимаю из пера?
В провинции с небрежными страстями
Никто от тьмы суетной не уйдет,
Никто не увлекается стихами,
И памятник никто мне не сольет.
Идеи, зарифмованные чувства –
Все в ил глубокой Леты упадет.
Правительство, не близкое к искусству,
На бронзу средств, конечно, не найдет.
Таланты не закапывают в землю.
Но я боюсь однажды черной ночью
Окончить все, что так сейчас приемлю,
Окончить все насытившейся точкой.

Где лучше?

Я чаще и чаще стал думать об этом:
Где лучше все ж быть гениальным поэтом?
В провинции здесь самым первым и лучшим?
Иль где-то в столице последним и худшим?
Скитаться непризнанным, чтобы узнала
Страна не поэта, а мэтра подвала,
А здесь раздавать светоносные строки,
Но только лишь в городе этом? О, боги!
Не так я талантлив – для малого града
Стихов где-то пять или десять – отрада,
Да пьяною ночью зачал еще дочь я*,
Подобного не повторить мне воочию.
Уехать со временем или остаться?
Остаться в тепле или все же скитаться?
Что ж, время покажет! Учиться два года
Мне надо – а там, может быть, крышка гроба.

**Имеется в виду поэма «Ночная проповедь»*

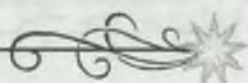

В поисках истины

Ну не люблю я солнце – хоть убей!
Люблю дожди, особенно грозу.
Еще в стакан мне глупости налей –
И я совсем уж ересь понесу.
На этой непонятной мне Земле,
Где мертвецы хоронят мертвецов,
Я истину искал в одном вине,
Но вот и пить устал в конце концов.
Но жить хочу – лишь только ради скорби,
Как ни звучит оно парадоксально.
И в ласковых объятиях веревки
Живой мертвец, качаюсь я нейтрально
Меж гением и меж злодейством где-то
В чистилище (золотая середина).
Не потому, что трудно быть поэтом,
А потому, что в смерти все едины.

Игра

Драматургия с привкусом ореха,
Трагедия – вся наша жизнь лихая.
Комедия – того, кому до смеха.
А кто-то каждый вечер умирает.
И каждый здесь – актер без передышки,
И все играют: кто герой, кто сволочь.
А Сатана – суфлер; сидит под крышкой
И предлагает сцене свою помощь.
Коварный шепот слушают актеры
И поступают так-то или так-то,
А драматург-судьба мешает роли
И образы толкует нам украдкой.
А зритель кто? А зрители мы сами.
Кому еще нужны с игрой бездарной?
Но занавес опустится над нами,
И уж на бис никто не выйдет к рампе.

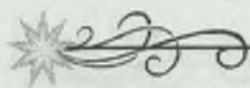

Антракт

Вся жизнь – антракт меж сцен небытия
И вечного могильного забвенья.
Повержен будет каждый первой тенью,
Не избежит того и плоть моя.
Ты мускулы растишь, мой глупый друг,
В любом итоге – червию на съеденье.
А я стихи пишу – и поколенья
Не раз еще восполнят мой досуг.
И ты умрешь, и сила вся твоя
Уйдет с тобой, в ничьей душе не вызвав
Любовь, несправедливость или вызов...

Плетусь позади

Гляди: лоскутами кровавая кожа
По ветру полощется – дьявольский флаг.
И все, что казалось всегда невозможным,
Теперь освещает таинственный знак.
А то, что казалось реально возможным,
Теперь не по силам, но слишком легко.
И нет ни живых, ни бессмертно усопших,
Все это теперь далеко-далеко.
За стенкою тела чертой несвобода.
Но я лишь хотел не отстать от Земли...
Но в вечном круженье, задуманном Богом,
Она уплыла... Я плетусь позади.

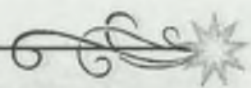

Боль моя

Встану вновь поутру,
Окунусь в суету.
Вновь распнут мою плоть –
Загорелый ломоть.
Через боль закричу.
Что я так не хочу.
На кресте мне в ответ
Начертают: «Поэт».
Ты оплачь меня, мать;
Каждый день умирать –
Мой удел. На войне
Было б ясно все мне:
Там ведь смерть – это жизнь.
Здесь не жизнь, а зажим.
А в руках и ногах –
Одиночество, страх,
Ближних смех, боль моя –
Как четыре гвоздя.

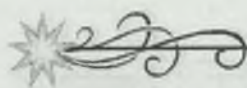
Мое лицо

Порою в зеркале лицо
Не доставляет мне мучений.
Оно полно немых значений,
Расскажет о себе оно.
Орлиный нос, безумный взор
В глазах орехового цвета.
А профиль, профиль, Боже мой!
Такие лишь чеканят на монетах.
На переносице срослись
Две брови; женские ресницы.
Порою – жесткая небритость,
Чело, привыкшее грустить.
Во лбу, когда я много мыслю,
Прожилка цветом в неба синь.
А вовсе без лица не смыслю,
Что это может быть за жизнь.

С отраженьем говорю

Ночь. Зеркало. Бессонница. Вопрос:
Кто ты, явившийся из ниоткуда?
Сознательно мой глаз тебя принес,
Иль вслед за мной живешь, я жив покуда?
А ну как ты привлек меня сюда,
К зеркальному стеклу, пока не спится?
Ты – копия обличья? Или я?
Где разница, реальность и граница?
Я ль существую, а тебя ли нет?
Кто смотрит на кого не без причины?
Кто бегает по городу вослед,
Бросая взгляд на лужи и витрины?
Ну что молчишь? Какой безумный взгляд...
Иль мы с тобой равны, как в море капли?
Два мира, две судьбы, две жизни в ряд,
Ничем не отличимые?.. Нет, вряд ли.
Молчишь... Ты отражение – и все.
Да, ну и мысли ночью! Ерунда.
Я – здесь. Обличье в зеркале мое –
Чтобы смотреть.
И отвечает: «Да».

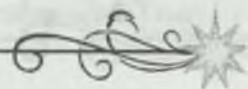

Придаток

Мой голос – придаток звонкого эха,
А тело – придаток собственной тени.
Нет, не я опоздал, это путь мой проехал.
Внешний вид мой – придаток моих отражений.
То не я отражаюсь – оно отражает.
То не я говорю – повторяет лишь эхо.
То и вовсе не я – мною тень управляет.
Я придаток и мыслей, и взглядов, и смеха.
Не пытайся понять эти глупые строки
(Нет, они-то не глупы, но ты не поймешь).
Я придаток времен. Годы, стрелки и сроки.
Не живу – прилагаюсь повсюду и сплошь.
Приложение к собственной чертовой жизни,
К миру, вере, любви. К ожиданию дождя.
К ожиданию ночи, к похмелью, к обиде.
Только кто к приложению приложится? Я.

Стыдно

Стыд точит сердце, как упрямый жук.
За пьянство и за выходки нам стыдно,
И что помочь кому-то недосуг,
И что грехам своим конца не видно.
Порой бывает стыдно – аж до слез.
Ведь вывернул природы грязной полость!
И хочется болезней, бед и гроз,
Чтоб заглушить назойливую совесть.

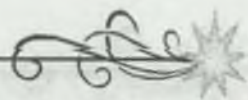
Муха

Вчера едва-едва сумел уснуть:
Всю ночь в стекло с жужжаньем билась муха,
Чтобы найти себе открытый путь,
Чьего-нибудь не уважая слуха.
Царит апрель. Очухавшись едва,
Оттаявши, меж рамами забилась.
Да чтоб твоя дурная голова
Скорее о стекло уже разбилась!
А, впрочем, люди ведь такие ж все:
Все для себя – к чужим страданиям глухи.
Вот человек во всей своей красе:
Иной не лучше этой жалкой мухи.
Едва очнетесь вы от сонных грез,
Которые бывают только в детстве,
То биться начинаете всерьез
О крепкое стекло страстей и бедствий.
Вам тесно дома в четырех стенах,
С семьей – подай богатства вам, разврата.
И, заявляя о своих правах,
Вы тонким писком требуете платы
За горькие страдания свои
Которые – их больше половины –
Придуманы, как пошлые стихи
От пошлой скуки вами же самими.
Незримою стеной стекло стоит.
Смиряться! Что ж ты мечешься, орешь?
Хотя ... пускай влечет бескрайний вид,
Пока башку свою не разобьешь.

Летучая мышь

Пока полоска солнечного света
Пронзает темноту глухих строений,
Я вздрагиваю изредка, как гений
В груди поэта.
И, может быть, я всех верней взираю
На мир, когда вишу вниз головою.
Но только ночь сомкнется надо мною,
Я вылетаю.
Я не одна – мы вылетаем ратью,
Сплотив свои стремленья и усилья.
Но трепетны и беззащитны крылья
Моих собратьев.
А чтоб охота удалась и ныне,
Собравшись на дубу в старинном парке,
Молитвы мы Луне возносим яркой –
Своей богине.
Как сладко нам порхать в ночи над лугом,
Где светлячки блестят, где конь – на воле,
И награждать ночующего в поле
Испугом.
Как воздух ночью свеж! Как я летаю!
Какая жизнь дана мышам летучим!
Ее на землю, труд, на веру в Случай
Не променяю.
Пусть я для вас ужасна, пусть пророчит
Мой вид беду, иль смерть, иль голод края –
Мне дали титул вихрь ночной и стая:
Царица ночи.
Когда же солнце золотится в кронах,
Воспоминанье вновь меня тревожит
О странных предках с крыльями из кожи –
Больших драконах.
И вновь на чердаке я застываю
Кулем с мукой иль восковой фигурой.
Но и во снах, день проживая хмурый,
Я все летаю.

Люди и мотыльки

1.

Несчастные ночные мотыльки,
Дрожащие завидев огоньки
Свечей иль ламп, в объятья их стремятся,
Чтоб с краткой жизнью в краткий миг расстаться.
Что их влечет? Какая-то святыня?
Игра? Гипноз? Безумство?.. Кто их знает...
А может, по неясной нам причине
Крылатый ради смерти умирает?

2.

Да, человека разум возвышает,
Но он, как лишний орган, нам мешает,
Как если бы мешали рыбам ноги.
От разума – лишь лишние тревоги.
И нас влекут волшебные огни –
Огни страстей... Без Бога нам свободней.
Но через миг окажутся они
Нетленными огнями преисподней.

3.

Хоть обойди вселенную, мой друг, -
Коль выпадет тебе такой досуг -
А не сойдешь с подмостков театральных;
И маску ту, что в детстве приросла,
Сорвет лишь Смерть, разрезав нить узла,
Под звуки труб иль вздохов ряд печальных.

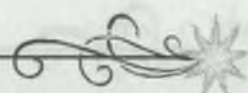

Призрак

Склоняется призрак над личной могилой,
Срывает цветок и летит в небеса.
Неужто ему там живется не мило?
Зачем ему розы земной красота?
По грешной земле ли скучает сей призрак?
Оставил любовь или друга он здесь?
Зачем ему этот неведомый признак?
В Раю ведь, я думаю, розы-то есть?
Какой он томим был высокой тоскою,
Чтоб вымолить тридцать секунд для того,
Чтоб небо покинуть, блаженство покоя
И розу сорвать на могиле его?

Быть или не быть?

Быть или не быть?
И в этом – весь вопрос?
Тогда отвечу по секрету:
Конечно, быть!
Конечно, жить!
На беды все смотреть сквозь пальцы
И жизни радоваться, даже
Когда в душе совсем темно
И кажется, что все равно –
Быть или не быть.

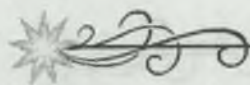

Колыбельная для самоубийцы

Вот и кончились проблемы,
Спи, усталый брат.
Пусть врата откроет смелым
Прямо в сказку Ад.
Сказка эта пусть скорее
Развлечет тебя.
Ласково и сладко шею
Обняла петля.
В пламени качает чертик
Колыбель твою.
Пламя льет волной за бортик.
«Мама, я горю!»
Наслаждайся... что ж поделаться?
Не хотел, не мог
Что-то в жизни переделать...
Кончен жизни срок.
Дураки цепляться могут
С глупостью за жизнь.
Ты избрал себе дорогу
Выше, чем они.
Сказку чертик там расскажет
Про судьбу твою,
Где в конце никто не скажет:
«Мучайся в Раю».

Все пройдет?

Людей я уверяю: «Все пройдет»,
Пытаясь рифмой поддержать народ.
Но если станет так, как я твержу –
О чем писать? Ума не приложу.

Сравнения

Ночная тьма последние ступени
Отпущенного времени пройдет,
Но не исчезнет, нет; но наши тени
Ее рассвет, как тряпку, разорвет.
Так вдохновенье душу озаряет,
В которой и сомненья, и грехи,
И без остатка душу разрывает,
Как в лоскуты, в безумные стихи.

* * *

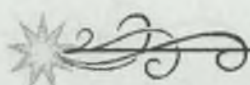
Когда бы не нуждался плюц в опоре,
А рос бы вверх, из всех стараясь сил,
То он затмил бы небо нам и вскоре,
Пожалуй, все живое заглушил.
Так и любовь в несчастном сердце, знаю,
Убила б все: ведь зверя нет страшней.
Но я себе любить не позволяю,
Когда ответа нет любви моей.

* * *

С весною ежегодной Землю нашу
Творец как будто снова создает.
Природа, словно некий ангел падший,
Вернувшись в Рай, трепещет и поет.
Я архитектор собственной вселенной.
Она подобна хаосу; но вновь
Ее творят прекрасной, незабвенной
И вдохновенье, и моя любовь.

Моя муза

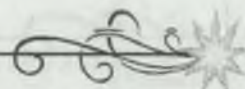
Она кротка, смиренна и проста,
Не лезет на рожон, все унывает.
Она привыкла веровать в Христа.
Но, если надо, рифмой убивает.
Не ценит равнодушия и зла,
Несправедливых, глупых и жестоких.
Жестокою становится сама,
Когда идет на них, душой убогих.
И взгляд ее – горгоны черный взгляд.
В руке – перо заостренною шпагой.
Она разит всех нелюдей подряд,
Она сметает каждую преграду.
И гнев, великий гнев сражает тех,
Кто унижает Русь и православных,
Кто предается сборищу утех,
Нечистых, грешных, суетливых, грязных.
И тех, кто унижает и калек.
И тех, кто принимает образ зверя.
И тех, кто не раскается вовек,
Пред Сатаной, как перед Богом, млея.
От мелочных, влюбивших суету,
Всех тех, кто по обличью люди вроде,
До тех, кто там в семнадцатом году
Распял мою Россию на Голгофе.
Но по ночам, устав от дел мирских,
Когда порой любовь меня тревожит,
Она оставит без вниманья их
И в дом уже совсем другою входит –
Прекрасной гостьей с арфою в руке,
Зеленоглазой, страстной и веселой,
Охватывая негой сердце мне,
Каскадом чувств, надеждой, хоть нетвердой.

И гневный и бунтующий мой мозг
Становится тончайший, нежный лирик,
И силой слов, и правильностью строк
Он вносит благодать в мой скромный мирик.
Не покидай же, спутница моя,
Меня вовек и после смерти даже.
Покуда есть на свете власть пера,
То мы с тобой последних слов не скажем.

Пишу от руки

Был вопрос: почему я пишу от руки?
Нет машинки, компьютера нету...
Не люблю потому что печатной строки:
Все размеренно в ней, а при этом
Ни простора, ни оригинальности нет.
Не черкнешь на полях, размышляя.
А перо оставляет свой след меж планет,
Как угодно бумагу терзая.
Почему я пишу от руки? Так хочу.
И писали все классики так же,
Не ходили с мозолью на пальце к врачу
И марались в чернилах, как в саже.
Почему я пишу от руки? Е-мое...
Потому что печатное может
Сволочь каждая взять и отдать как свое,
Даже совесть ее не загложет.
А по почерку сразу меня узнают,
Почерк авторство выдаст несложно.
Почему я пишу от руки, не поймут.
Потому что такое – возможно.

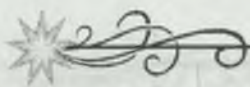

Ночь

Настала ночь – ужасная пора
Воспоминаний тяжких и раздумий,
Бессонницы, бестактности, безумий...
Как здравый ум сберечь мне до утра?
Но, вновь в себе дракона победив,
Я ощутил души успокоенье,
Ему пришло на смену вдохновенье,
Унынье раздражения спалив.
И рифмы ищут легкого союза
И льются гармоничною рекой.
Но все же слышу: шепчет их не муза,
А некий темный бес иль домовой.

Чистый лист

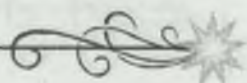
О чистый лист бумаги! Тихий дол,
Передо мной заснеженной равниной
Лежащий здесь; хоть письменный мой стол
Занявший даже не наполовину,
Но можно тут ходить вперед и назад,
Блуждать, как в экспедициях, годами;
Оглядываться с горечью назад
И видеть впереди лишь мрак страданий;
И мерзнуть, погибая на снегу;
Отыскивать неведомые земли –
Лишь вымысел надежды; но бегу
Без усталости к тем призрачным виденьям.
Какие здесь оставил я следы?
Не зная, чем закончу, за творенья
Берусь – и стал вдруг, лист бумаги, ты
Достоин лишь следов пищеваренья.
Убогим словом выразить всю суть
Нельзя и невозможно. За словами
Скрывается такое что-нибудь,
Чего никак не выразить речами.

Слова – лишь тень, лишь отблеск, только луч,
Но невозможно посмотреть на солнце.
Не видно моря из-за горных круч,
Лишь часть вселенной за стеклом оконца.
Убог и жалок бедный наш язык,
Привычным разговором только блещет
Любой; а приоткрой сознания лик –
Любой, я в том уверен, затрепещет.
И то, что я сейчас сказал, не ново.
И ворох мыслей лишь приоткрываю.
Но если и «в начале было Слово»,
То что за ним скрывалось – я не знаю.

Сел за стих

Я сел за стих... В лучах сверкает снег,
Я слезы лью над «Лунною сонатой»;
Из рук, как нитка, ускользает век
Печальною и радостной утратой.
Но лишь поэт творит все времена
И в пропасть их небытия кидает.
Вращается вокруг меня Земля;
Когда пишу – мечтаю и страдаю.
Пророки отошли куда-то вдаль,
В миры и строки Ветхого Завета.
И вместо них Господь благословлял
Всесильный лик могучего Поэта.
Пишу, плеснув Вселенную в бокал,
Хоть кто-то думает, что это просто кофе,
Которое на дне блаженных чар
Рисует мне любимой девы профиль.
Я сел за стих... в лучах сверкает снег.
Я слезы лью над «Лунною сонатой».
Строкою открываю новый век,
Хотя к небытию ищу возврата.

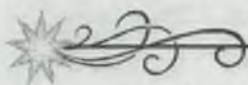

Стихи поют

И все, что вижу я, и все, что слышу,
Все рвется на бумагу, льется в строки.
Стихи поют, они живут и дышат,
Вселенная дана нам для рифмовки!
Владеют рифмы мной, а я вот – ими.
Все, что ни есть, в оригинале, нет ли,
Все, что ни есть в огромном этом мире,
Все создано для стихотворной сети.
И даже нет чего, она охватит.
Но мысль одна весь стих перевернет.
А если и любви большое счастье в тленье –
Есть лишний повод к вдохновенью.

Воспеваю

Дано поэту, что любовью дышит,
Вращать обратно ход любых планет
И бег (и без того условных) лет;
Он отголосок сердца всюду слышит.
Перо в руке не ведает границ.
Да что Вселенная? Молекула, и только.
А дорожишь одним лицом, поскольку
Себя не видишь в зеркале всех лиц.
Да, лица – зеркало! Все люди – как один.
И лишь дурак по внешности осудит.
Вот Господи нас не за лица любит,
Его никто не видел, Он – один.
Всех – много... Но чуть-чуть отвлекся я,
Ведь начал про любовь поэтов будто.
Так вот: коль захочу – ночь станет утром,
Да и вообще не чую бытия.
Порой, конечно, тягостно оно,
Но приступи с молитвой к сочиненью –
И жизнь твоя подобится Творенью,
А тут еще, возможно, и любовь...

Смотри: беру перо, пою тебя.
Пусть за окном повисла ночь без края,
У нас тут – день заоблачного Рая,
К тому же ночью лучше пишу я.
Везде мороз – а в комнате блаженство!
Пою тебя, творю, леплю, рисую!
Хотя прости... да что же говорю я?
Ведь ты и так, конечно, совершенство.
Так значит: не пою, а воспеваю.
К тебе ни капли краски не добавишь;
А не добавишь – значит, так оставишь.
Но то, что есть, с любовью созерцаю.
И думаю: за что так счастлив смертный?
Мы атомом Вселенную назвали,
А комнате такой размах придали,
Что здесь, наверно, тысячи вселенных.
Лишь одного сейчас я не могу:
Ведь ты не здесь, ведь ты на расстоянии,
И обратить в реальность мне мечту
Нельзя – какие б ни были желания.

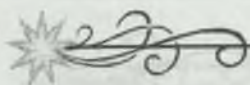
В порыве счастья

Там, где город весь как на ладони,
Средь поросших травами высоких скал,
Там поэт стоял на возвышенье
И любимый город созерцал.
Отдавался он ветрам могучим,
Горд, красив, безжалостен и нем,
Понемногу становясь летучим,
Отдаляясь от земных проблем.
И душа в порыве счастья и покоя
Ввысь ушла, свободна и легка.
И поэт изящною рукою
Задевал на небе облака.

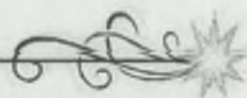
Парю над миром

Раз как-то в тихий час ночной
Я время проводил в молитве
И в благодати неземной
Почуял боль, боренье, битву –
В лопатках резало! Едва
Уж в двух местах трещала кожа.
И разметнул я два крыла,
Прекрасных, белых и похожих.
В размахе – как ночной проспект.
И голос неба я услышал:
«Живи и царствуй, будь Поэт!
Взлетай наверх презренной крыши,
Пари над звездами! Творец
Благословил твой путь презренный!
Носи же золотой венец
И будь навек благословенный!
И пусть и сердце и уста
Ход времени запечатлеют
И молвят Истину всегда
И пред Творцом благоговеют.
Ты любишь вечером писать.
Знай: вечерами будут музы
Служить – и кофе подливать,
И пепел стряхивать, и в узы
Блаженные сжимать любви.
Все, что угодно – только действуй!
Пусть рифмы сыплются твои,
Сражай несправедливость песней!
Еще одно: не возгордись.
Ты только человек, запомни.
Безумной грезой не стремись
Над миром встать, презренья полный».
С тех пор стремлюсь себя сдержать,
По вечерам парю над миром,
Когда сажусь стихи писать.
И время – в такт с моею лирой.

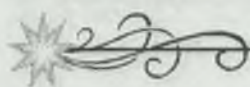
Поэты

Бродим мы по вершинам Парнаса.
Где трава высока и мягка,
Оседлавши упрямо Пегаса,
Разрезаем крылом облака.
На Парнасе леса и озера,
Увивает кусты виноград,
Из цветов на полянах узоры,
Ниспадает с горы водопад.
Девять тронов в лазоревом гроте –
Обиталище ласковых муз.
И в блаженном игривом полете
Оставляет душа тяжкий груз.
Но порой, чтоб быть ближе к народу,
Мы спускаемся сверху на дно.
И в долине, средь всякого сброду,
В карты режемся, хлещем вино.
Предаемся страстям и забавам,
Каплю крови берем на язык,
Упиваемся жаждою славы,
Изменяя божественный лик.
Говорят нам: «К чему вдохновенье?
Веселитесь, куда живем!»
Говорят нам: «Искусства, творенья
Никому не нужны! Ну, допьем?»
И смущается мозг наш игрою,
Сомневается в нужности слов...
Но, очнувшись ночью порою,
Вырываемся мы из оков
И, позвав золотого Пегаса,
Оставляем внизу спящий смрад,
Возвращаемся к высям Парнаса,
Чтоб уже не вернуться назад.

Моему «Лукоморью»

Каждый месяц с вечерними звездами
Собирались скромные гении –
С островов далеких растения,
Неграненых алмазов россыпи.
За столом – алтарем Поэзии –
Пили чай вперемежку с чувствами,
Наполняли сердца искусствами
И о чем-то хорошем грезили,
Стихотворным чудесным лепетом
Воспевали любовь, казнили злых,
Жгли каскады строк и в газете их
Ждали с тихим душевным трепетом.
Подавали стихи медлительно,
К темным душам пути прокладывали
И, конфеты жуя, поглядывали
На угрюмую рожу Спикина.
Фальшь свергая строкой нехитрою,
Не кичились они успехами
И поэзией, как доспехами,
Облачались перед битвою.
Как Россия, богатыми не были,
Но владели бесценным золотом –
Силой слова, талантом, свободою,
Зла и ненависти не ведали.
Отражали безумие времени,
Покаяний и снов обличия –
Все, конечно, в стенах приличия,
И сажали познания семени,
И росли они, рано ли, поздно ли
Раздирая сорняк и плевелы,
И делились сердцами гении
Каждый месяц с вечерними звездами.

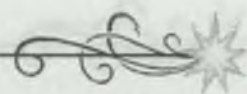

О славе

Я модный литератор городской.
Стихи мои по городу блуждают.
И тут и там друзья мои порой
В тетрадях мои строки замечают.
В тетрадях юных романтичных дам
Со строками из Пушкина, Шекспира.
Раз в рубрике газетной – мой бедлам,
Печальная, безжалостная лира.
И Пушкин в Петербурге так писал?
«Онегина» читал сначала Невский,
Потом весь город Женя потрясал...
А по Свердлова бродит Неизвестный.
Мне говорят: в град областной пора,
Ну, а затем – печататься в столице...
Нет! Слава качканарская мила
Моей подруге – Аполлона жрице.

Псевдопоэту

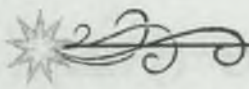
О, не ходи чужой стезей,
Дитя тщеславья и обмана!
Оставь сей промысел святой,
Ты не достоин тяжелой раны.
Ну, сколько в жизни пострадать
Тебе пришлось? А без обиды
Нельзя ни строчки написать
Глубоко-чистой ни единой.
Ты скажешь: «Я всю жизнь страдал!
Я знал болезни и измены!»
Ты не любил, не умирал,
Ты выдумал свои проблемы.
Ты страстен был, но не любил,
Ты презирать всех научился
И думаешь, что целый мир
Против тебя вдруг ополчился.

Прошу: искусства не грязни
Своей поверхностной строкою,
Не убивай напрасно дни –
Призванье у тебя другое.
Не оскверняй святой Парнас
Убогой жалкостью творенья:
Ведь никогда тебя на час
Не раздирало Вдохновенье.
Ты восхищаться не умел
Простым листом, как бриллиантом.
Ты все отдать бы не посмел
За обладание талантом.
Прочь, прочь ступай! И пусть тебя
Не трогает удел твой вздорный.
Поверь, что гения стезя
Весьма уныла и прискорбна.
Она взамен за жизнь дает
Лишь сладость муки вдохновенья
И капли славы – а ее
Сильней завистников гоненья.
Не оскорбляй и не смеси
Богов. Поверь: сомненье гложет
Порою и меня в тиши,
Что сам я не поэт, быть может.

Подражатели

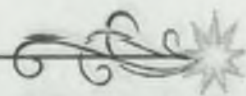
Так начинают все. Но гений все ж
Отталкивается от кандидатуры
Великой. А они всерьез
Так делают – завал литературы.
Чужая мысль – их собственный скелет.
Хотят ее своим представить мнением,
И грубо переделанный сюжет
Они считают чистым вдохновением.

И в заблужденье жизненные дни
Проводят, в суете роясь словесной.-
И не подозревают, что они –
Лишь тени без субстанции телесной,
И даже лишь пародии теней.
Но птица попугай ведь не писатель.
А их мечты – чтоб и у них скорей
Какой-нибудь нашелся подражатель.

Поэт

Поэт пинка закату дал под зад –
И оскорбленным день уходит прочь.
Пантерой выступая наугад,
Ему опять идет на смену ночь –
Торжественно и осторожно... Мир
Ложится спать – лишь бодрствует поэт.
Всех сумасшедших признанный кумир
Льет на бумагу свой Высокий Бред.
Трещит свеча, как высохший стручок,
Все тихо; только смотрят с двух сторон,
Поглядывая, крыса и сверчок –
Как муза и лукавый Аполлон.
И, может, вдохновенье стерегут
(Но не спугнут его, по крайней мере).
Выдавливает стихи – атлантов труд!
Однажды всем по их воздастся вере,
Поэту – по таланту. Слава – прах,
Но классик без нее не создается.
А если будешь ты забыт в веках,
Зачем столь тяжкий труд? Лишь сон уродца
О красоте... Но вдохновенья час
Сам по себе – немалая награда.
Пусть не оценит чернь! О, не для вас
Поэзии священная прохлада,

В вонючей, жаркой вашей суете!
Удел ваш – жрать, работать и плодиться.
Удел поэта – быть на высоте,
Такой, какая вам и не приснится.
Поэт – он мэтр зимних вечеров,
Поэт лишь знает, для кого он пишет.
Свеча трещит; горят созвездья слов;
Читает строки ночь – и реже дышит.

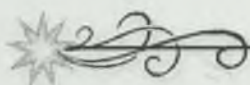
Солнениця

Тоска, бессонница, стремленье
Хоть как-то переделать жизнь.
Жаль, что приходит настроенье
И что слетает вдохновенье
Из-за неясных нам причин.

Казалось, музы вдруг слетелись
И вдохновенье принесли –
Но это демоны пригрелись,
Отчаянье разжечь осмелюсь,
Что залежалось в пыли.

Казалось, чудный мир иной
Вот-вот вольется из-за двери
И позовет идти с собой,
Но нет – смеялись надо мной
Из страшных сказок злые звери.

Года идут, не приближая
К мечте, не удаляя прочь.
Казалось, слышал звуки рая,
От сладкой неги замирая –
Но глядь: кругом все та же ночь.

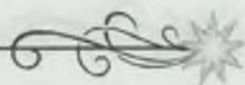

Пепельница

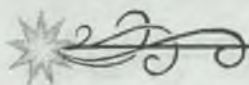
Я – пепельница на столе поэта.
Во мне – и грязь, и пепел, и труха.
Но я – его сестра при всем при этом,
В его башке такая ж чепуха.
Он яростно в меня окурок давит,
Секундный отдых сделав между строк.
А если сам с собой не ладит,
В меня летит безжалостный плевков.
Для многих незавидна участь эта,
Но я скажу без всяческих прикрас,
Что без меня угас бы дар поэта,
На мне одной весь держится Парнас.
И отчего никем в строках сонета
Я не была пока еще воспета?

Его приют

Проснется он, покурит, выпьет кофе,
Еще покурит, молча поглядит,
Под краном сполоснет небритый профиль
И в новый бой с планетой полетит.
Век не диктует обществу поэмы.
Осталась страсть – Любовь сошла на нет,
И всех дороже мысли вдохновенной
Богатство, колбаса и Интернет.
Ушла к певцам бездарным тьма поклонниц.
Луч Гения давно во тьме угас.
Нет денег, иномарок и любовниц,
А только рифмы, муза и Пегас.
С таким богатством долго не протянешь,
Хотя в Пегасе больше «лошадей»,
Чем в «Мерседесе»: ведь на нем летаешь,
И муза хоть немного даст идей.

Закутавшись в осенний старый плащик,
Бредет он в середине января
Занять на хлеб, на кофе, на удачу,
За жребий свой судьбу благодаря.
Его приют – не казино и бары,
А тихий и поющий летний лес
Иль там, где над собравшихся главами
Венчает купол распростертый крест.
И не дворец совсем его квартира,
А небольшой чердак, весьма убогий,
Однако же дороже всякой виллы:
Сюда приходят греческие боги
И спорят здесь о хаосе и мире,
О нашем и об их существованье.
Он не вступает в разногласья партий
И тех, кого меньшинствами зовут,
И счастлив, пыль веков стирая с хари,
Листая даль веков пронзивший труд.
И не в ладах он с современной песней:
Она не тянет на высокий слог;
Ему Шекспир и Пушкин интересней,
И Моцарт для него – всесильный бог.
Ночь коротка... Но взор и слух свободны
От шума и от вида суеты...
И на бумагу, вечны, многоплодны,
Ложатся гладко слезы и мечты.
Иspiшет лист – отложит в угол слева,
Им надлежит навек остаться тут:
Ведь с кровью порождаемы из чрева,
Стихи ничьих умов не потрясут.
А поутру допьет остаток кофе,
Заглянет в пачку – нечего курить.
Он знает: после смерти этот профиль
Бездарный век начнет боготворить.

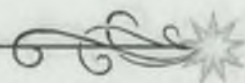

О творчестве

Как же хочется творчества муку
Иногда, словно нить, оборвать
И отсечь свою правую руку –
И уже никогда не писать...

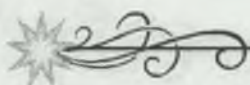
Прометей

Стоит титан, прикованный к вершине.
Меняются унылые века,
Да проплывают мимо облака,
Скрывая все, что там, внизу, в долине.
Там Греция счастливая лежит,
Его огнем согретая навечно.
Все сыты в ней, ленивы и беспечны –
И раб свободой здесь не дорожит.
А если здесь находятся герои,
Которых навсегда запомнит мир, –
То от желанья сбросить лишний жир
И от однообразия покоя.
А он стоит. Стоит, и каждый вечер
К нему летит, раскинув два крыла,
Какой-то бес, принявший вид орла,
И раздирает клювом его печень.
Кругом – одни лишь скалы, скалы, скалы.
Изучен каждый камешек на них.
Вот грохот поднялся – и вновь затих,
Разнообразие вносят лишь обвалы.
Жаль, что с годами цепи не ржавеют –
Им сносу нет, как и его терпенью.
Надежда не уступит в нем смиренью –
Лишь о годах потерянных жалеет...

Похороны поэзии

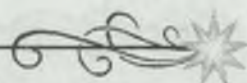
Был украшен цветами и звездами гроб,
Девять муз волокли его с плачем:
– Мы, когда-то соткавшие творчество, чтоб
Мир стоял, ничего уж не значим.
В мире хаос опять безгранично царит,
Словно в дни, когда жизнь зарождалась.
Накануне последний Поэт был убит,
И Поэзия следом скончалась.
Всюду только жестокие, злые сердца;
Как столбы, одинаковы лица.
О, зачем ты однажды среди звезд расцвела
И в лазури на Землю струиться
Начала? О Поэзия! Те времена
Навсегда для тебя миновали,
Когда мир был большая лесная страна,
Когда явно мы к людям слетали.
Когда пел здесь Орфей, и Пегасов семья
Легче пчел на цветы опускалась.
А теперь городами покрыта Земля,
И на ней волшебства не осталось.
Люди только глупее, жадней с каждым днем,
Всякий губит и душу, и тело.
Люди вряд ли поймут в ослепленье своем,
Что сегодня от них отлетело.
Вдохновенье познавши, их создал Творец,
А они вдохновенье изгнали
Из своих возгордившихся мрачных сердец,
И теперь их сердца – крепче стали.
Так покойся теперь на парнасских лугах,
Аполлона золотая невеста.
В мягкий дерн мы зароем божественный прах,
На земле тебе нет больше места.
Так процессия тихо по небу плыла,
Сиротой оставляя планету,
На которой, как прежде, свершались дела,
Но теперь уж без ваших поэтов.

Ночь настала. Земля обреченного ей
Не прошла вокруг орбиты и круга,
Когда люди, все те, кто остался на ней,
Перебили внезапно друг друга.

Не убивайте поэтов

Не убивайте поэтов:
Их же осталось мало.
Вид вымирает, право...
Встретимся, может, где-то.
Не убивайте поэтов
Мнением или пулей:
Если свечу задули –
Станет темно без света..
Не убивайте поэтов,
Пусть себе рвутся к небу:
Кто там ни разу не был –
Где же возьмем ответы?
Не убивайте поэтов,
Бросьте охоту злую.
Если ж огонь задули –
Память сильнее ветра..
Не убивайте поэтов.
Может быть, вы и правы,
Может, стихи – забава
И не нужны при этом.
Не обрывайте цвета –
Ягоды не родятся.
Не убивайте поэтов:
Может, на что сгодятся.

Поэта значение

В замысле сотворения мира,
В ненаписанной драме Шекспира,
В белых милях солнечной Леты,
В несомненной причине рассвета,
В предсказаниях всех и загадках,
В сладко-творческих смертных припадках,
В чьей-то нужности всех порождений,
Всех нечистых и чистых стремлений,
В каждом взмахе взлетающей птицы,
Там, где вечность блаженная снится,
Всех дорог, по кольцу, в направленье –
Обитает поэта значенье.

В японском стиле

Где-то в лесу за горою
Расцветает красиво рябина.
Значит, будет волшебное лето.

* * *

В чистом лазоревом небе
Кружит беспечная птица.
В чем смысл жизни?

* * *

Нежно закат окрасил
Дальние гор вершины.
Где ты сейчас, не знаю.

* * *

Птицы щебечут звонко.
Ландышей, роз ароматы.
Лишнего нет в природе.

* * *

Где-то в саду Эдемском
Зреют мечты о счастье.
Нет его в жизни, знаю.

* * *

Ярким, слепящим диском
Солнце висит над миром.
Грею в ладонях лето.

* * *

Наша Земля – песчинка
В космосе беспроглядном.
И все же – центр Вселенной.

* * *

Все в хрустале березы.
Снег и мороз бодрящий –
Свежесть, какой нет летом.

* * *

Желтость. Сырая осень.
Жажда вдохнуть близ пруда –
Знал, что творил, художник.

* * *

Смазаны веки медом.
Утро. Предел мечтаний –
Кофе густой с лимоном.

* * *

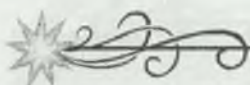
Черви изъели кожу –
Скалится желтый череп.
Сорвана маска жизни.

* * *

Кладбище. Тихо. Ветер
Чуть колыхнул листвою.
Мертвого друга голос.

В деревне детства

В тиши, в прохладе помидорной
Листвы, среди яблонь и цветов,
И там, где виноград узорный
Завил свой немудреный кров,
Во дворике деревни старой
Я детства зрел златые сны.
Дружба была простой и малой,
Текли безоблачные дни.
Не в строках классиков великих –
Здесь я растил таланта сласть.
В саду, у груш и сливы дикой,
Я вычерпал гармоний власть.
Вольна, прекрасна, чуть капризна,
В душе вселилася она,
Под сладкой тенью классицизма
В стихи связавшая слова.
И зреет урожай отборный,
Зачатый без надежд и славы.
В саду, в прохладе помидорной,
Во дворике деревни старой.

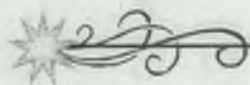

Загадочный цветок

В лесу кукушкин голосок
Определил мне краткий срок:
Полраза крикнула она –
И замолчала, замерла.
Гадалка-бабка не взяла
За карточный рассказ с меня.
Она промолвила: «Сынок,
Зачем мне деньги за твой срок?»
В походе в горы я забрел,
Старик-монах меня нашел
И молвил: «Близок твой конец.
Не я сказал – сказал Отец».
То был, наверное, пророк,
Уж он не только знал про срок,
Он знал, что делать для того,
Чтобы еще продлить его.
Он говорил: «Ступай туда,
А мне неведомо – куда.
Найдешь загадочный цветок,
Отломишь у него росток –
Молитву «Отче наш» прочти
И проглоти... Иди, иди.
Без «Отче наш» росток цветка
Тебя отравит. Свысока
Мой друг укажет путь тебе.
Там край земли, не знаю где».
И он исчез. А надо мной
Огромный, черно-золотой
Кружился ворон. Он повел
Меня в тот неизвестный дол,
А может, в поле или в лес.
Мне не сказал святой отец...
Мы пробирались через лес –
Не счесть языческих чудес:
Чудовищ, леших и зверей.
О, только б выбраться скорей!

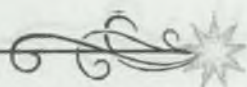
Бывало, ветви тут и там
Стеной, пройти мешали нам,
Плелись... Размером как быки
Плели нам сети пауки.
Переплывать пришлось моря.
И бури, с громом говоря,
Меня хотели утопить,
А птицу молнией убить.
Левиафаны и киты,
Раскрывши пасти, с глубины
Хотели утащить на дно,
Но я не дался все равно...
И после долгих дней пути
Мне удалось цветок найти.
Как отражение зари
В рубина гранях – хоть умри!
Не жалко будет умирать,
Когда б то чудо повидать.
На все оттенки радуг всех
Он отливал – печаль и смех.
Когда бы кто владеть им мог,
Принес владельцу бы цветок
Хоть море счастья, столько ж бед.
Глупцу – лишь лишних сто сует,
Завистнику бы резал глаз,
От смерти мудрого бы спас.
И отравил себя бы злой,
Подумав, что нашел покой...
Росток один я оторвал,
Молитву быстро прочитал –
И проглотил. Но сон пропал –
Проснулся я! И толковал
Весь этот сон. Он немудрен:
От вечной смерти я спасен.
Запомнят за стихи меня.
Росток – поэзия моя.
Цветок – поэзия вообще,
Частичка Рая на Земле.

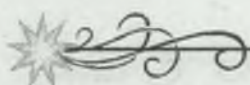
Глаз радует, благоухает; в срок,
Когда необходимо – жжет
И колется. А надо будет –
Отравит, славою загубит.
Чтоб не случилось тому быть –
Нам надо в мире с Богом жить.
Познали славу – пусть она
Нам души не сожжет дотла...
А жизнь трудна, как долгий путь.
И чтоб немного отдохнуть,
К поэзии иду одной
И обретаю с ней покой.
А кто монах и ворон кто –
Пожалуй, промолчу про то.

Сверчок

Приснилось мне, что я сверчок,
Невзрачный, маленький и серый.
И дома старого порог
Мне крышу заменил и стены.
Под ним я жил, невидный зверь
С большими черными глазами.
И лишь вверху скрипела дверь –
От страха вздрагивал усами.
А вечерами изливал
Всю душу я тоскливой песней
И песней этой оглашал
Не только двор – весь край окрестный.
Заслушивался мирный дол,
Уставши от дневной работы,
А если мимо кто-то шел,
Приостанавливался кто-то.
Лилась, как чистая струя,
Как тонкий аромат нарцисса,
Как сон, мелодия моя,
Полна гармонии и смысла.

Но вот однажды из щели
Я выбрался неосторожно –
И чьи-то пальцы налегли
На тельце хрупкое безбожно.
Задергался всем телом я,
Цепляясь липкими ногами,
Но из-за этого меня
Лишь крепче пальцами сжимали.
И посадили в банку; там
Рассматривать сквозь лупу взялись.
И наводил я страх на дам,
А кавалеры все смеялись.
Я больше песен петь не стал –
Через два дня меня забыли.
От ужаса совсем устал,
И голодом меня морили.
Неделя целая прошла –
Меня брезгливо и несмело
Стряхнули в грязь и пыль двора,
И мертвое сухое тело
В тот вечер воробей склевал...
Проснувшись, долго содрогался.
Но дольше я осознавал
И вещь одну понять пытался:
Что я сверчок, приснилось мне,
Иль был сверчком при жизни, может,
Который увидал во сне,
Что он – поэт с судьбой похожей?

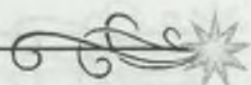

Моей душе

Успокойся, не стенай, родная.
Все прошло. На много-много дней.
Вновь тебе открыты двери Рая.
Все в порядке, глянь-ка веселей!
Засыпай спокойно, без волнений,
Без тревожных вздохов по ночам,
Бесом насылаемых сомнений
(С ними разберусь, поверь, я сам).
Хватит, моя сущность, бесноваться:
Святой Бог прощает все грехи.
В жизни безгреховной ждут несчастья.
Только Жизнь-то впереди. Терпи.

Ушел в себя

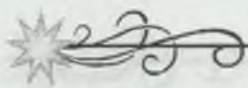
Ушел в себя. Вернусь не скоро.
Вернусь, когда растает снег,
Когда хотя бы злым укором
Мне отзовется тяжкий грех.
Когда мой дух воспрянет духом,
Когда верну покой и сон,
Когда мне Сатана над ухом
Уж не шепнет: «Ты не спасен!»
Когда за зло претерпевая,
Я буду искалечен в кровь.
Когда душа моя слепая
Увидит вновь мою любовь,
Когда мой друг вернется в город,
Когда с ним выпьем по сто грамм,
Когда ручьев звенящий голос
Придам, вконец, своим стихам.
Когда в круговороте вечном
Тот снег растаявший – опять
На землю упадет беспечно,

Чтоб землю белизной устлать,
И вновь растает... Когда время
Не будет властно надо мной,
Когда вновь вставляю ногу в стремя
И снова стану сам собой –
Немножко человек, немножко
Крылатый херувим и бес.
И буду вновь глядеть в окошко
Сквозь синеву на суть небес,
Тогда приду. Тогда затворы
Души я отворю всем вам.
Ушел в себя. Вернусь не скоро.

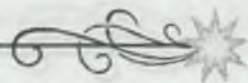
В Рай идем

Мы идем по жизни в Рай куда-то
(Там сейчас черемуха цвет),
Не подозревая, что нам завтра
Следующий день преподнесет.
Мы несем по миру не спеша
(Может, и не стоит торопиться)
Юные, красивые тела,
Гордые обветренные лица.
Посмотри на небо: облака
Так красивы, но еще далеки.
А когда уйдем, то с них тогда
Будем вниз глядеть мы, свесив ноги.
Все земное – просто суета...
Рай, конечно, сразу не дается.
Поживем – потерпим! А пока
Мы и здесь черемухи нарвемся.

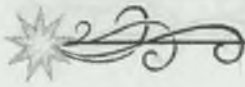
Ева

Эдемский сад в блаженной неге полдня.
Заметен в небе ангелов полет.
Адам, конечно, занят на сегодня:
Он имена животным раздает.
Подходят те, другие подплывают,
Слетают третьи с дерева к нему.
И вот он тигра тигром называет,
Свинью – свиньею и козой – козу,
Павлином – птицу с ярким опереньем
И пчелами – жужжащий нервный рой.
А Ева там, за рощей, в отдаленье,
Любуется над озером собой.
Умывшись и назад откинув пряди
Волос, слегка намокших от воды,
Она смеется и забавы ради
Вставляет в свои локоны цветы.
И там, где под ногами хрустнул стебель,
По воле Бога в тот же самый миг
Вновь сросся перелом, как будто не был,
И глядь – такой же вновь цветок возник.
Она кротка, загадочна и властна
Вмиг настроенье мужа изменить.
И знает о себе: она – прекрасна,
Хотя, конечно, не с кем ей сравнить.
Уверена, что счастье будет вечным
И что весь мир – такой же райский сад,
И чудный полдень длится бесконечно,
И все цветы ей дарят аромат.
Она не знает, жизнь свою лелея,
Что кончится беспечная пора...
И из густой листвы взгляд гордый змея
Следит за нею с самого утра.

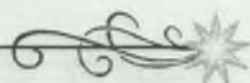
Хватит счастья!

Я человек – подобие Господне
И, как и Он, всевидящ, всемогущ.
Свой рай я сотворил и преисподнюю
Однажды ночью, в тьме кофейных гущ,
Которую лишь купол свечки резал.
Я взял перо, идею начертал,
Немного склеил, там чуть-чуть отрезал
И небольшой, но чудный мир создал.
Там ненависти не было и споров,
Там не было войны, гнилых идей.
Там не было паяцев среди актеров,
Там не было животных среди людей.
И жили все не хуже и не лучше
Друг друга. Добрый, чистый, как слеза,
Был этот мир, где люди, как игрушки,
Владели счастьем. И пришла тоска.
Ведь так нельзя... и я открыл им очи,
Я волю влил в безумные сердца.
Они сказали: «Хватит счастья, Отче!
Мы зла хотим! Давай побольше зла!»
Я разрешил им грех, любую скверну,
Я отворил им адовы врата...
Вот так Господь махнул рукой, наверно,
И произнес: «Владей же, Сатана!»

Забери мою веру

Забери мою веру на час,
Чтобы час от нее не зависить,
Без последствий, тяжелых событий
Лишь на час – и всего один раз.
Я зарежу двух-трех человек,
Что пытаются жизнь мне испортить
И сильнейшего право оспорить,
Я им просто не нравился ввек.
Посмотрю, как подохнут они,
Обувь мне языком натирая,
До последнего вздоха стеная,
Умоляя продолжить их дни.
А затем, знаю я, украду
Или просто зайду и ограблю,
Ни копейки тебе не оставлю,
А хоть что-то прошепчешь – убью.
Не подумаю чем-то помочь
Ни бродяге, ни фонду, ни другу.
Час пройдет – я напьюсь до отрубца
И сниму лучших дам на всю ночь.
Не судите. Я просто устал.
Если б грех не наказывал Он,
Если б Он – и не Он, просто сон,
Я б навек свою веру отдал.

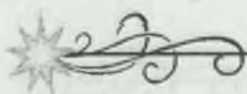

Тело

Я не хочу это тело. Снимите его.
Сорвите с лица эту чертову маску.
Болит, и мешает, и стонет оно,
И рвется, и мечет, меняя окраску.
В нем тесно и душно. О, плотский доспех,
Иль сам развались, иль тебя я разрушу.
И выпущу к сонму небесных утех
Себя. На свободу свободную душу!

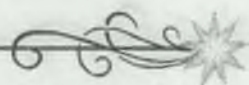
Я жив еще!

Еще я жив... Еще в глазах моих
Жизнь теплится – пусть призрачно, убого.
Еще не прекратилось в дланях сих
Служение Отечеству и Богу,
Служение любимой и мечте,
Пока они заносят на бумагу
В текущей быстро, мимо, суете
Стихи, поэмы, мифы, драмы, саги...
Еще далеко бродит мой Дантес,
Принявший, может, образ друга даже.
Еще не заслужил я тех небес,
Которые на этом свете скажут:
Кто я? Зачем? Звено в цепи существ,
Иль есть предназначенье для поэта?
Но будь хоть сам антихрист мой Дантес,
Он дарует блаженство того света.
Я жив еще! Еще в глазах моих
Жизнь теплится – пусть призрачно, убого,
Еще не прекратилась в дланях сих
Дорога, что приводит только к гробу.

Убивал в себе я зверя

Только вспомню, сам себе не верю:
Убивал в себе я злого зверя.
Гнал его по чаще непролазной,
Черной, непроглядной, безобразной.
Серые да черные коряги
Как капканы, сучья да овраги.
Не чирикнет птица иль кузнечик,
Не мелькнет цветок – один валежник.
Занавесом всюду паутина,
В лужах – листья бурые, как спины.
Руку протяни – не видно, словно
Нет ее; но движусь я проворно.
Впереди, мой замысел лелея,
Изредка мелькает шкура зверя.
Как бы не споткнуться, ход не сбавить,
Как бы глаз на ветке не оставить.
Столько лет терзал меня, проклятье!
«Господи, спаси», – шепчу трикратно.
Лишь спина мелькнула чуть виднее –
На удачу нож метнул в злодея.
Рев и визг разнесся по округе –
Перепонки рвутся от натуги.
Развернулся. Роем землю, злится.
Взгляд горит, слюна с клыков сочится.
И хрипит, и кровью истекает,
Ужас сердце в клочья разрывает
Лишь от вида внешнего, наверно,
Не знавать подобной морды скверной.
Наконец, сцепились, покатались,
В горло уж клыки почти вонзились.
По спине прошлись лихие когти.
На спине – кровавые лохмотья,
Под спиною красной стала лужа...
Но нырнул под сердце нож поглубже.

Зверь затих и замер, весь дрожащий,
Я лежу, не смея встать; а в чаще
Все вокруг лучи пронзают смело.
Все зашевелилось и запело,
Обретая облик изначальный.
И в зрачке врага, навек хрустальном,
Отразилась радуга, играя,
Хищника навеки проклиная.
А в его берлоге, подрастая.
Мечется щенков большая стая.

Я стал хулиганом

Я стал хулиганом, как Есенин,
Даже в Пост Великий выпиваю,
Разливаюсь паводком весенним,
В темных переулках вдов ласкаю.
Совесть же – сильней спасенья жажды.
Потому как я не презираю
Всех самоубийц, а сам однажды,
Видимо, себя я расстреляю.
Род дворянский Спикиных замкнется
Славной поэтической строкою.
Пусть талант мой на Земле зачтется.
Дайте только смерти – и покою.

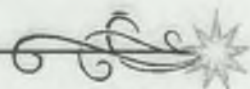

Великий поэт

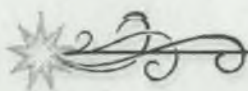
Текут, текут неспешно семь недель
В смирении и строгом воздержании,
Конечно же, текут не без потерь,
Но больше обретаем мы в страдании.
Оставьте плен порочного огня,
Горящего в сердцах глупцов презренных,
Вкушайте то, что вам дает земля,
И не питайтесь плотью убиенных.
Оставьте долгий смех и долгий сон,
Оставьте все нечистые стремленья.
Тепло весны и колокольный звон
Ведут дорогой узкою к спасенью.
Весна, весна! Сливай свою капель
С прекрасною слезою покаянья
И, как от снега чистит мир апрель,
Очисти от греха мое сознание.
Восстань, душа – могучий исполин,
Прими с любовью сладкое мученье
И, победив все страсти в час один,
Отдайся только страсти вдохновенья

Юноша и смерть

«Да, жаль, что умирают молодыми,
Мы, старики, свое отжили хоть», –
Так говорят иные; но к могиле
Тащить свою дряхлеющую плоть,
Не знать надежд и целей, а влачиться
На долго ожидаемый порог
И только знать себе – сидеть, лечиться,
Ворчать... все жить да жить? Помилуй, Бог!
Жил-был мой друг. Ему казались чужды
Два слова: «радость жизни». К ней любви
Он не питал; не знал в дыханье нужды
И редко знал волнения в крови.
Ни разу не вздохнул широкой грудью
(Как вы, читатель, можете вздохнуть),

Затем, что каменист, тернист и труден
Был жизненный его с рожденья путь.
Предмет насмешек, безответной страсти
И невезенья, стал он зол и горд.
И мать родную не любил отчасти
За то, что в срок не сделала аборт.
А в двадцать лет решил: пора покончить
Со всем: не буду я никем любим.
А коль еще лет семьдесят иль больше
Отмеряно? Оставьте все другим...
Тем дуракам, что жаждут кислорода.
Конечно же, сомненья все же есть –
Запрет на то Всевидающего Бога,
Слова людей: надежда, трусость, честь.
Да все равно! Пускай в обитель Ада!
И Бог, конечно, славен и велик –
Неужто не поймет, не даст награды
На небесах? А если Бог – лишь лик
Начертанный, и нету Рая с Адом?
Что мнение людей? Когда оно
Меня поссорит, может, даже с братом,
То мне давно уж будет все равно.
Итак, прощайте! Если два десятка
Мне не везло ни в чем, то глупо ждать,
Что вот теперь судьба своим порядком
Мне вздумает хоть что-то преподать...
И застрелился... Ждете вы, наверно,
Привычных осуждений от меня.
Но я не осуждаю – это скверно,
Но можно все же каждого понять.
В тот миг, как перестало сердце биться,
Когда остановилась в жилах кровь,
Он хоть чего-то в жизни смог добиться:
К нему пришла взаимная любовь.
Пришла, предстала юной девой – роза,
Поцеловала в жаркие уста,
Порыв восторга, страсть, блаженство, слезы!
О как она невинна и чиста!
Агония закрыла эти очи
Не сразу... Свечи. Водка на столе –
Все говорило нам о страстной ночи
В объятьях Смерти в сладостной игле.

Когда я был живой

Когда я был живой, я тоже наслаждался,
Я тоже знал, как быть, когда услышишь «нет».
Когда я был живой, я тоже разбивался,
Пикируя во тьме на призрачный рассвет.
Когда я был живой, я тоже верил в чудо,
Я тоже разбивал сомненья, как хрусталь.
Я тоже знал, что голову, в дар женщине, на блюде
Мою не подадут; я собирался в даль.
Когда я был живой, я тоже согревался
Лишь тем, что, может быть, надежда – не обман.
Я тоже как рубин в себе переливался,
Я тоже внутрь вдыхал таинственный дурман.
Когда я был живой, я тоже знал, что много
Страдаю – не дай Бог кому-то так страдать!
Я тоже верил: вот за поворот дорога,
Она ведет туда, где только тишь да гладь.
Когда я был живой, я тоже выше тучи,
Лопатки распрямив, нырял по небесам,
Я тоже богом был, я тоже верил в случай,
Я тоже видел сны – все сам, все сам, все сам...
Когда я был живой, я тоже без отдачи
Себя сжигал, глушил, топтал, уничтожал.
Я тоже знал, что нет, наверное, удачи,
Я тоже кое-что, пожалуй, понимал.
Когда я был живой, я тоже был уверен,
Что людям не дают «скоты» существовать,
Я тоже был во тьме и в обществе потерян,
Я тоже не умел всю истину познать.
Когда я был живой, я тоже был бессмертным,
Я тоже надевал таинственность, как фрак.
Я тоже был уверен: солнце, несомненно,
Лишь часть меня, а, впрочем, как и мрак.
Когда я был живой, я в скорлупе яичной
Себя считал царем пространства без границ,
Я тоже был всегда лишь в зеркале двуличном,
Я тоже в каждом зрел от двух до сотни лиц.
Когда я был живой, я тоже перекрестки
Сооружал, чтоб, заблудившись в них, взлететь.
Я тоже принимал за Свет цветные блески.
Я тоже, быв живым, хотел лишь умереть.

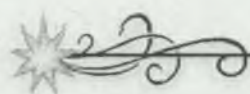

Благодарю творца

В минуты высочайших откровений
Благодарю Творца за некрасивость:
Была б во мне ровесников спесивость –
И не было б моих стихотворений.

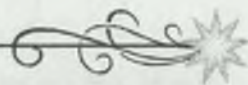
Себя не возношу

Поверьте: я себя не возношу!
Живу я скромно, славы не прошу.
Но буду рад, коль кто-нибудь, читая
Мои стихи, задумается вдруг
О жизни (о, раздумчивый досуг!)
Или умчится в небеса, мечтая.
Кто знает, может, из грязи на сушу
Народ я поведу; мысль греет душу!
Пять хлебов на всех не разделю,
Но дам духовной, стихотворной пищи.
Раздам всем поровну: красивым, глупым, нищим –
И по воде любви и слез пойду.
Нет, с Иисусом в ряд себя не ставлю.
Я не достоин, а Его я славлю.
Но колокол неслышный бьет в набат:
Где есть любовь народа, есть там рядом
Крест зависти, непониманья взглядов.
На сем кресте и буду я распят.

Мой крест

Мой крест тяжел. Сгибаюсь я под ним.
Еще с рассветом взял я эту ношу.
И, хоть соблазн велик, ее не брошу.
Соленый пот с лица смывает грим.
Кругом – туман. Бреду по склону вверх.
Вершина ближе. Но и невозможней.
Внизу – толпа.
И каждый горб – порожний.
Я слышу издевательский их смех:
«Вот дурачок! Согнулся под крестом!
А мог в тени валяться под кустом!»
Но было б тяжелей – скатиться к ним...
Горячий пот с лица смывает грим...

Завещание

Я, в трезвой памяти и мыслящем уме
(Я никогда так не был трезв и так не мыслил!)
Хотел бы завещать себя земле –
Могиле, гробу и спокойной жизни.

Стихи мои отдайте тем устам,
Которые их выпить пожелают:
Я этот золотой родник отдам –
Пусть пьет народ, пусть слушает, читает.

Мою любовь отдайте только ей;
Быть может, развлечется, поиграет,
А может быть, и спрячет поскорей,
Пополнив свой запас. Пусть собирает.

Судьбу мою вручите никому,
Сожгите все до точки, не читая.
Хотя... строку последнюю, одну
Оставьте – доберусь когда до Рая.

Ну что еще? Когда бы я владел
Всем миром, то его бы отдал детям,
Цветам, природе – и не пожалел
Вот это бы жилось тогда на свете!
Отдайте **море** рыбам и штормам,
Отдайте **осень** красным листопадам,
Отдайте **сны** усталым матерям,
Отдайте то, что есть, кому так надо.

Себе ж я завещаю память всех,
Незабыванье в каждом поколенье,
И гнев, и слезы, и любовь, и смех,
И радостное в строках пробужденье.

«И РАДОСТНОЕ В СТРОКАХ ПРОБУЖДЕНЬЕ»

Вместо послесловия

Сборник

Ах, сколько поэтических жемчужин
Оставил в нашем городе поэт!
Наверное, общественности нужен
Такой вот Димин творческий портрет.
Какие восхитительные фразы
Нашел в дороге странник-чародей!
Пускай они сверкают как алмазы
И благодатью радуют людей.

Татьяна СЕМАКИНА

Диле в дорогу

Твой день не терпит поражений.
И, музу бедную любя,
Иди к надежде на сближенье,
Начни решительней с себя.
Профессий в жизни очень много.
Ты сил и время не жалея –
Освой их несколько в дорогу
Из тех, которые нужней.
И с тем спасительным запасом
Смелее действуй, не воронь.
Да не пройдет твой труд напрасно,
Открой себя со всех сторон!
И жизнь сама тебя увидит
И, будь уверен, – не обидит!

Алексей БАШКИРОВ

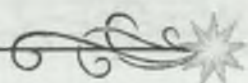
Провожальное

Опять тебя зовет дорога.
До встречи, робкий наш герой.
Твоя душа, как недотрога,
Скрывалась за Верблюд-горой
И пела, подобая скрипке.
Высокий звук – надрыв струны.
По тонкой, словно лучик, нитке
Скользя в затмение Луны.
Беги! Вдали от этой драмы
Ищи малиновый рассвет.
Ты будешь, будешь лучшим самым,
Звездой отмеченный поэт!
А если суждено вернуться,
Мы встретим, робкий наш герой.
Рискни до Солнца дотянуться,
Но не сгори! Господь с тобой.

* * *

Твой ум могуч, а стан твой тонок,
Взгляд неземной огромных глаз,
Русской поэзии потомок,
Живущий скромно среди нас.
Найди по разуму собратьев,
Предназначенье осознав.
Ведь гении берут не статью.
Мы знаем: как поэт – ты прав.

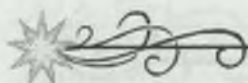
Людмила ВЛАСОВСКИХ

Прекрасная невольница

Твоя поэзии прекрасна,
Как роза дикая с шипами.
Ее стремишься ты напрасно
К столбу приковывать цепями.
Ее талантливые строки
Пленяли нас изящным слогом.
Теперь нам слышатся упреки
В молчанье горестном и строгом
Она права в вопросах спорных,
А правда нам необходима.
Пора уже составить сборник.
Вернись в наш город, Спикин Дима!
Поверь, поэт, что время-мельник
Все перемелет понемногу.
Смирись с реальностью, отшельник,
И собирай багаж в дорогу.
Верни невольницу обратно,
В объятия проектного успеха.
Она вольна невероятно,
Ей расстоянья – не помеха.
Пусть верноподданные стражи
На землю бросят свои пики.
Прошел, наверно, приступ блажи?
Вернись в наш город, Дима Спикин!

Татьяна СЕМАКИНА

Цветок

Из бутона родился цветок –
В сердцевине слезинки рассвета.
Так же слезно воззрив на восток,
Расцветает душа человека.
И по Высшему промыслу вмиг
Ход событий и планов нарушив,
Чтобы свой приукрасить цветник,
Бог сорвал твою зрелую душу.

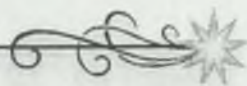
Надежда ШУЛЕПОВА

Опавший лист

*Так много знал – так мало жил!
Постигнуть горе нету сил.*

Судьба твоя листом опавшим
В плену безвременья кружила,
Душа в пределы не вмещалась,
Сжималась хрупкою пружиной –
И разлетелась на кусочки,
На рифмы, тыщи многоточий.
Но память в сердце «Лукоморья»
Навек останется живой.
Мы тебя любим, будем помнить,
Поэт с трагической судьбой.

Клавдия РУБЛЕВА

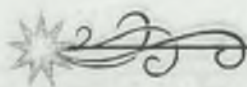
Погиб поэт

Погиб поэт из «Лукоморья»,
Ушел от нас в последний путь.
И мы скорбим. Какое горе!
Уж не исправить, не вернуть.
Прости нас, Дима, мы не знали
И не смогли тебя спасти...
Твои стихи легендой стали,
Тебе бы жить, расти, цвести!
Для нас огромная потеря.
Остались нам твои стихи.
В них столько правды, столько веры!
Прости, Господь, твои грехи.

Людмила ВЛАСОВСКИХ

Жекал утешения

Так рано ты постиг всю прозу жизни
И не сумел смириться с черствой прозой,
Скитался по неласковой Отчизне
Как лист, опавший с молодой березы.
Душа твоя искала утешенья
В молитвах на груди родной Природы.
Ты в ней купался, как певец-отшельник,
Лелеял музу и терпел невзгоды.
Внимал рукоплесканиям листвы.
Встречал зарю с душевною улыбкой
И мелким почерком исписывал листы,
Лия стихи, подобно пенью скрипки.
В стихах твоих – и мудрость, и отчаянье,
И нежность к маме, к неродившемуся сыну;
О сокровенном робкое молчание,
О городе родном, что ты покинул.

В монастыре мог утешенье обрести,
Но душенька твоя просила воли...
Судьба споткнулась лишь на полпути
И слизана была речной волною.
Душа бессмертье обрела на небе,
Талант останется бессмертным на земле.
Об этом ты мечтал, моля о смерти,
С безвременьем не ладивший поэт.
И на часах души твоей в веках –
Лишь тридцать лет.

Клавдия РУБЛЕВА

Баллада о маленьком трубаче

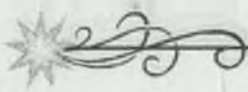
Избранники богов умирают рано.
М. Веллер

Пусть расскажет баллада
о трагичной судьбе.
Парень трудного склада
не играл на трубе –
Маг изящного слога
по-иному трубил.
Он по замыслу Бога
сверхталантливым был.
Этот маленький гений
был душою велик.
В судьбы всех поколений
его разум проник.
Взгляд пронзительно-светел,
сердце сжато в комок.
Мир его не заметил
и ничем не помог.
От жестокости мира
Дима часто страдал,
И нашла ему лира
на земле идеал.

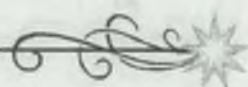
Парень мрачного вида
сел за письменный стол.
Сердце гложет обида,
как жуки точат ствол.
Жизнь давала уроки,
боль терзала всерьез.
Сокровенные строки –
это капельки слез,
Это тихие вскрики
огорченной души.
Ведь не зря Дмитрий Спикин
только с рифмой дружил.
Безо всякой корысти
шел к вершинам поэт.
Лики маленьких истин
с ним увидели свет.
Не стремился к Канарам
и не рвался в Таиланд –
Он мечтал с Качканаром
разделить свой талант.

Жизнь без всякого права
подвела вдруг черту –
Парень скромного нрава
перестал ждать мечту.
Одаренный мечтатель
сдал шедевры в утиль:
Ведь не каждый читатель
понимал его стиль.
Вот бы с этой тетрадкой
жить в эпохе другой!
Был для многих загадкой
этот странный изгой.
Да, остались тетради,
что исписаны им.
Спикин в нашем отряде
был особо ценим.
Мы шагаем без флага:
флаг попробуй найди!
Но всегда на полшага
Дима шел впереди.

Парень малого роста
был у нас трубачом.
Он шагнул в вечность просто,
звезд коснувшись плечом.
Был уверен философ
в нерушимости скал,
На десятки вопросов
он ответы искал.
Он искал на планете
справедливости след.
Длились поиски эти
тридцать прожитых лет.
Не приснился принцессе
одиноким трубач...
Лишь останется в прессе
тихий горестный плач.
Он не знал в жизни брода,
но стремился вперед –
Значит, в жизни народа
наш поэт не умрет!

Татьяна СЕМАКИНА

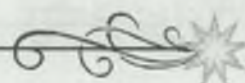

Содержание

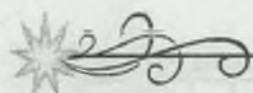
«И вновь идут часы моей души» <i>Вместо предисловия</i>	3
МИРОЗДАНИЕ	
Вселенная.....	13
Звезды.....	14
Сгоревшая звезда.....	15
Ночное небо.....	16
Полнолуние.....	17
Время.....	18
Философский спор.....	20
Каков удел?.....	21
Сириус (<i>Отрывок из поэмы</i>).....	22
Страшный суд.....	23
Подняться на небо.....	24
Счастье.....	24
У ПРИРОДЫ УЧУСЬ	
Дриада.....	25
У природы учусь.....	26
Облака.....	27
Лето.....	27
Перед дождем.....	28
Уральское лето.....	28
Вальс цветов.....	29
Летние ночи.....	30
Про лето.....	30
Непокой.....	31
Закинув удочки.....	31
Знойный день.....	32
Под стук дождя.....	32
Гроза.....	33
Луна.....	33
Язык бабочек.....	34
Осеннее.....	35
Богиня осени.....	35
Сентябрь.....	36

В ночном лесу.....	37
Монолог опавшего листа.....	38
Первый снег.....	39
Фиалки.....	40
Белый снег.....	40
Зимний рассвет.....	41
На морозе.....	41
Бабочка.....	42
Январь.....	43
Трепещет сердце.....	43
Предчувствие весны.....	44
Приди, весна!.....	44
Желания.....	45
Запоеет душа.....	46
Дышать весной.....	47
Тополя.....	47
В весеннем лесу.....	48
Сирень.....	49
В березовой роще.....	49
Моя весна.....	50
В ожидании первой грозы.....	51
Природа.....	52
Мир прекрасен!.....	52
ОДА ЛЮБВИ	
Женщинам.....	55
Ода любви.....	56
Подарок.....	57
Прикажи мне.....	57
Не спится.....	58
Голубка.....	59
Белая лилия.....	60
Признание.....	60
Зеленые глаза.....	61
Встреча.....	62
Нельзя не любить.....	63
Мы любим.....	63
Без тебя.....	64
Не верю.....	64

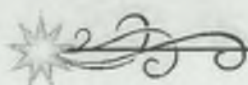
Суета сует.....	65
Для тебя.....	65
На жизненной тропе.....	66
Безумный роман.....	67
Светлане.....	67
Завидую.....	68
Сонет.....	68
Не звонишь.....	69
Голос твой.....	69
Пойдемте гулять.....	70
Остановись, Земля!.....	71
Проживу ли без тебя?.....	71
Первое утро.....	72
Твои глаза.....	72
Я умирал.....	73
Влюбился.....	74
Лолита.....	74
Расстались.....	75
Розы на столе.....	76
Незнакомке, читающей эти стихи.....	77
С ВЕЛИКИМИ	
Шекспир.....	79
Гамлет, принц штатский.....	79
«Зима» Вивальди.....	80
Бетховен.....	81
«Лунная соната».....	82
Достоевский.....	82
Э. Радзинскому.....	84
Кавказский пленник.....	85
Подражания	
Блоку.....	85
Лермонтову.....	86
Есенину.....	86
Пушкину.....	87
Мандельштаму.....	87
«Щелкунчик» Гофмана.....	87
Эпоха Возрождения	
Глазами романтика.....	88

Глазами схоласта.....	88
Глазами историка.....	88
Глазами ценителя.....	89
Глазами философа.....	89
Глазами дьявола.....	89
Девятнадцатый век.....	90
ГОРОД БЕЗ РОЗ	
Город без роз.....	91
Вид на Качканар от телевышки.....	92
Кунсткамера.....	93
Умирает тайга.....	93
Серый пес.....	94
Кентавр.....	95
Ода картофелю.....	97
Безработный.....	98
Не пришел из боя.....	99
После Чечни.....	99
У вечного огня.....	100
Безбожье.....	101
Чадо сатаны.....	101
Художества на стене.....	102
Просыпайся!.....	103
Опомнись!.....	104
Дева.....	104
Собачья свадьба.....	106
О невозвратном.....	107
Маньяк.....	108
Аквариум.....	108
Мой народ.....	109
В столярной мастерской.....	110
Храм.....	111
Спящая красавица.....	112
В ПОИСКАХ ИСТИНЫ	
Колода бытия.....	113
Мысли.....	114
Где лучше?.....	115
В поисках истины.....	116
Игра.....	116

Антракт.....	117
Плетусь позади.....	117
Боль моя.....	118
Мое лицо.....	118
С отраженьем говорю.....	119
Придаток.....	120
Стыдно.....	120
Муха.....	121
Летучая мышь.....	122
Люди и мотыльки.....	123
Призрак.....	124
Быть или не быть?.....	124
Колыбельная для самоубийцы.....	125
Все пройдет?.....	125
Сравнения.....	126
МОЯ МУЗА	
Моя муза.....	127
Пишу от руки.....	128
Ночь.....	129
Чистый лист.....	129
Сел за стих.....	130
Стихи поют.....	131
Воспеваю.....	131
В порыве счастья.....	132
Парю над миром.....	133
Поэты.....	134
Моему «Лукоморью».....	135
О славе.....	136
Псевдопоэту.....	136
Подражатели.....	137
Поэт.....	138
Сомнения.....	139
Пепельница.....	140
Его приют.....	140
О творчестве.....	142
Прометей.....	142
Похороны поэзии.....	143
Не убивайте поэтов.....	144

Поэта значение.....	145
В японском стиле.....	145
МОЙ КРЕСТ	
В деревне детства.....	147
Загадочный цветок.....	148
Сверчок.....	150
Моей душе.....	152
Ушел в себя.....	152
В Рай идем.....	153
Ева.....	154
Хватит счастья!.....	155
Забери мою веру.....	156
Тело.....	157
Я жив еще!.....	157
Убивал в себе я зверя.....	158
Я стал хулиганом.....	159
Великий пост.....	160
Юноша и смерть.....	160
Когда я был живой.....	162
Благотворю творца.....	163
Себя не возношу.....	163
Мой крест.....	164
Завещание.....	165
«И РАДОСТНОЕ В СТРОКАХ ПРОБУЖДЕНЬЕ»	
<i>Вместо послесловия</i>	
Сборник.....	167
Диме в дорогу.....	167
Провожальное.....	168
Прекрасная невольница.....	169
Цветок.....	170
Опавший лист.....	170
Погиб поэт.....	171
Искал утешения.....	171
Баллада о маленьком трубаче.....	172

